

Оливия Утерн

16+

МАГИСТР
ЕЇ СЕРДЦА

Страж её сердца

Оливия Штерн

Магистр её сердца

«Автор»

2020

Штерн О.

Магистр ее сердца / О. Штерн — «Автор», 2020 — (Страж её сердца)

ISBN 978-5-532-95773-2

Магистр Надзора хочет жениться? Король считает, что не время. В любое мгновение может полыхнуть пожар войны. Алайна Ритц хочет знать правду о своем брате? Магистр считает, что она будет в безопасности, если не узнает ничего. Повелитель крагхов хочет вернуть дочь и сына? Для этого нужно спустить с цепи своего верного убийцу...***Первая книга - "Страж ее сердца". А эта для тех, кому понравилось так, что хочется еще про этих же героев***

ISBN 978-5-532-95773-2

© Штерн О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Магистр Святого Надзора	8
Глава 2. Переезд	17
Глава 3. Переговоры	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оливия Штерн

Магистр ее сердца

Пролог

Оставляя за спиной кованые ворота школы Энгера Фирса, Алька чувствовала себя очень непривычно. Ощущение было сродни тому, как будто паришь высоко в небе, когда весна, солнце ласковое – и Алька даже знала, что зовется это ощущение счастьем.

Она была счастлива, да. Впервые за долгое время. Потому что проклятье двуликости исчезло, потому что рядом шел человек, который ради них двоих смог перевернуть вверх дном все мироустройство, потому что тревоги и печали остались позади.

Но – Алька и это прекрасно понимала – счастье было хрупким, словно тонкий хрустальный бокал на высокой ножке. Одно неверное движение – и полетит он вниз, на пол, и разлетится звенящими осколками. И оттого она вся замирала от страха и нервно облизывала губы. Не может быть человек совершенно счастлив. Не может это счастье длиться всегда. Оно скоротечно, мимолетно, изменчиво. Как долго продлится? Неизвестно. И внутри все сжималось от недоброго предчувствия.

Что это будет? Война с теми, кто жил за Пеленой? Новые враги? Или наоборот, старые? Алька понятия не имела. Но страх, противный, щекочущий игольчатыми когтями по позвоночнику, заставлял ее крепче стискивать руку Мариуса. Ей хотелось верить, что беда обойдет их стороной.

Было еще кое-что, о чем она почти забыла за прошедшие сутки, купаясь в собственном одуряющем счастье. И это кое-что заставляло чувствовать себя полной дрянью. Почему не спросила сразу? Слишком была занята собой, слишком много всего произошло. А между тем, предмет ее беспокойства был очень важен, так же, как Тиберик.

Они как раз дошли до короткой аллеи, Алька еще раз обернулась, бросила последний взгляд на кованые ворота школы. Потом посмотрела на Мариуса. Оказалось, он смотрел туда же и улыбался. В душе поднялась обжигающе-горячая волна, смесь восторга и благодарности. Все же Мариус был уникальным. Кто-нибудь другой наплевал бы на мальчика и оставил все, как есть. Что двигало Мариусом в то время, пока Алька в тюрьме ждала казни? Почему пошел проверить указанный адрес? Алька до сих пор так и не поняла. Оставалось только смириться с тем, что такой, как Мариус, будет каждый раз поворачиваться к ней какой-то новой своей гранью, и каждый раз она с трудом будет убеждаться в том, что это все тот же, ее, любимый.

Она подняла руку и легонько провела подушечками пальцев по старому белому шраму, пересекающему бровь. Ей хотелось стереть с Мариуса все метки прошлой пережитой боли, и, понятное дело, это желание не имело ничего общего ни со здравым смыслом, ни с ее возможностями. Мариус мягко перехватил ее руку, поднес к губам. На тонкой коже запястья расцвел поцелуй.

– С Тибом будет все хорошо, – сказал он, – Энгербудет за ним присматривать.

Алька кивнула, глядя ему в глаза. Каждый раз тонула в кофейной глубине, и в этом был весь Мариус. Горький кофе и капля вишневого ликера, старые книги, шоколад, дерево. Такой странный контраст, ощущение полной умиротворенности рядом с ним и ускользающее чувство опасности. И каждый раз она замирала, как будто остался последний шаг до края обрыва. Взлететь или упасть и разбиться, вот в чем вопрос.

– Мариус, – прошептала она, – я должна была спросить тебя гораздо раньше. Скажи, там, в башне Магистра... Ты видел моего брата?

Мариус продолжал улыбаться, но улыбка внезапно сделалась натянутой, искусственной.

– С ним все хорошо, Алечка. Он пострадал, но я из дома распорядился, чтоб его поместили в лекарскую палату. С ним все будет хорошо.

От сердца отлегло. Наверное, она не такая уж дрянь, если все хорошо.

Но Альку смутило окаменевшее выражение лица Мариуса, как будто сам он вовсе не был уверен в том, что говорил.

– Мне бы хотелось его навестить, – пробормотала Алька, – все же он мой брат.

– И навестишь, обязательно, – отозвался Мариус, но как-то подозрительно задумчиво. Потом посмотрел на нее строго, почти сердито, и повторил, – с ним все будет хорошо. Даже не думай ничего такого. Верь мне. Мы ведь уже разобрались в том, что верить мне можно и нужно, а?

Она невольно улыбнулась. Разобрались, да. Особенно когда она увидела Мариуса на арене, когда поняла, что он пришел за ней туда, куда стражам Надзора попасть было просто невозможно.

– Я просто немного волнуюсь, – сказала она, – он ведь очень нам помог.

– Он не просто помог, он дал нам шанс уцелеть во всем этом, – согласился Мариус, – пойдем, маленькая. У нас еще много дел.

– Каких?

И сердце замерло в груди. Когда отправлялись к Тиберику, Мариус ни о каких делах не упоминал. Что он там надумал?

– Я отведу тебя в салон, чтоб ты заказала свадебное платье, – буднично сказал Мариус и потянул Альку за руку, – пойдем, здесь недалеко... Ты ведь не передумала выходить за меня замуж? Тем более, теперь я тебя уже просто не отпущу.

– Как я могу передумать?

– Ну тогда идем, – он, посмеиваясь, потянул ее за руку в аллею.

В Эрифрее мягкая зима. Липовые стволы чуть припорошило мягким снежком, но днем потеплело, и он медленно таял. Если бы не мощеная булыжником дорога, под ногами бы хлюпала грязь. Ветер был свежим и как будто уже весенним. И они совершенно одни в этой аллее, идут, держась за руки... Алька поймала себя на том, что улыбается. Все-таки счастье – оно такое, хоть и хрупкое, но дарит крылья. Ей хотелось верить, что Мариус чувствует то же, что и она.

– Знаешь, – сказала Алька, – я никогда не думала, что наша история закончится вот так. Да и не было никакой нашей истории.

– Знаешь, – в тон ей ответил он, – а я рад, что все так получилось. Рад, что смог вовремя остановиться, что успел забрать тебя из тюрьмы. Уже тогда знал, что сперва был очень и очень неправ. И потом... Когда убили Фредерика, я еще раз задумался... а ты все это время жила в моем доме, маленькая, неприметная, но с таким огромным добрым сердцем. Без тебя я был бы мертвым, Алайна Ритц. А с тобой я живой.

Алька невольно замедлила шаг, когда выход из аллеи перегородила чья-то карета. Из нее на мостовую ловко выпрыгнул худощавый мужчина в синем сюртуке и направился к ним. Мариус остановился, не забыв, впрочем, мягко подтолкнуть Альку себе за спину. Так что ей пришлось привстать на цыпочки и выглядывать из-за плеча Эльдора. Чувство близкой опасности стало настолько ощутимым, что давило на грудь, мешало дышать. Алька во все глаза рассматривала незнакомца: довольно высокий, худой, но крепкий. Светлые волосы вьются колечками от сырости. И очень неприятные глаза чуть нависают, блеклого голубого цвета. А так – вполне нормальное, самое обычное и неприметное лицо.

Незнакомец остановился, не дойдя двух шагов, смерил их внимательным взглядом, усмехнулся. А затем сказал:

– Магистр Эльдор? Я не ошибся?

– Не ошиблись, – ответил Мариус, – чем обязан?

– Вам предписано явиться во дворец. Его Величество желает побеседовать о делах государства.

Алька вцепилась в сюртук Мариуса. Она и сама не понимала, почему этот незнакомец вызывает в ней такой страх, но – было ощущение, что этот горло перережет и не поморщится.

– А вы, собственно, кто?

Светлые брови мужчины удивленно приподнялись.

– Ниат Фаэр, служба королевской безопасности.

– Хорошо, – задумчиво произнес Мариус, – но я не один, как видите. Я отвезу даму домой, затем прибуду во дворец.

– Вы меня не поняли, магистр Эльдор, – сухо сказал Фаэр, – Его Величество приказал доставить вас немедленно. Вот в этой самой карете.

«Нельзя перечить королю», – грустно подумала Алька.

Она очень надеялась, что у Мариуса в голове бродят схожие мысли.

– Не беспокойтесь, – добавил Фаэр, – вашей даме ровным счетом ничего не угрожает, равно как и вам. Да и что мы можем сделать с магистром Святого Надзора, ведь ваша магия при вас, м? Дама ваша посидит в гостиной, пока вы будете обсуждать с Его величеством государственные дела.

– Мариус, – беззвучно прошептала Алька, – не противься, пожалуйста. К чему ссориться с королем?

И, кажется, он ее услышал, но она чувствовала, как напряглись под сюртуком его плечи.

– Тогда мы едем, – сказал Мариус и взял Альку за руку.

Глава 1. Магистр Святого Надзора

Смешно признаться, но он никогда прежде не бывал во дворце. Еще более смешно – едва ли помнил, как зовут нынешнего представителя правящей династии. Сидя в душноватой карете напротив ниата Фаэра, сжимая тонкие пальчики Алайны, судорожно рылся в памяти и все никак не мог вспомнить, а какое там полное имя нынешнего короля. Потому что все эти годы был очень, очень далек от светского общества, а то общество, что обитало в Роутоне, о короле почти не вспоминало – или вспоминало, но только как о «Его Величестве, да продлит Пастырь его дни».

Наконец, морщась, вспомнил: Орвил Дей Флодрет, вот кто нынче восседал на троне земель Порядка. Когда-то он даже был женат, потом жена умерла, оставив дочь – это все Мариус помнил, потому что в то время жил в Эрифрее, и сплетни кое-как просачивались сквозь толстые стены Надзора. Что потом случилось с дочерью, Мариус понятия не имел, да ему это было и неинтересно.

И вот теперь, ловя на себе тревожные, подозрительные взгляды Фаэра, Мариус раздраженно думал о том, что слишком мало дали им с Алайной времени для того, чтобы побыть просто счастливыми. Она-то вряд ли это понимала, но он совершенно был уверен в том, что теперь на него ляжет такой груз дел, что будет приползать домой за полночь и бесчувственным телом валиться в кровать. А его птичка будет целыми днями предоставлена самой себе, наверное, будет ждать и тосковать. По крайней мере, Мариусу хотелось, чтоб ждала.

Но дел и правда будет много. Шутка ли? Мир изменился. Пелены не стало, двуликих не стало – зато добавилось новых людей, новых земель, ими занятых, и новых магов. Мариус даже не представлял себе, сколько самых обычных людей хлестнуло остатками распавшейся пелены. Кому-то это ничего не дало, а те, кто потенциально мог родиться с резервом – о, тем досталась возможность управлять материей. Только вот беда в том, что не умели они этого, и учиться было негде. Толпа стихийных, необученных магов, вот что получалось. Кто поручится за то, что они не спровоцируют бойню? И, наконец, кто знает, что за мысли крутятся в голове у повелителя Крагхов, Сантора?

Мариус покосился на Алайну. Она спокойно сидела рядом, опустив глаза, делая вид, что с интересом разглядывает обивку дивана. Отросшие темные прядки вились, обрамляя скулы забавными кудряшками. Губы строго сжаты, на лице – отстраненное равнодушие. Понятно, что ей не хотелось встречаться взглядом с Фаэром, тот казался Мариусу неприятным типом, скользким. Неизвестно, какими полномочиями он располагает, этот Фаэр...

Посмотрел на Алайну – и вспомнил ее брата. Поморщился. Алечка вот теперь хочет его проведать. А потом начнет задавать ненужные вопросы – почему, Мариус, ты его держишь в башне? Он же почти выздоровел. Почему не отпустишь?

И как ей объяснишь, что Авельрон еще долго будет сидеть в башне? Сказать, что не нравится в нем что-то? Но звучит, как бред. Или как пустая отговорка. Алечка не поймет, начнет думать, искать истинную причину. Беда в том, что причина в итоге может оказаться опасной для самой Алайны. Но в этом Мариус не был уверен. Он вообще уже не был уверен ни в чем, начиная с того момента, как стоял перед зеркалом дома и внезапно ощутил прикосновение чужой мысли. Легкое, словно перышко. Но от него прошибло потом, он отшатнулся от зеркала, судорожно выискивая – кто? Где? И ничего больше. А потом то же странное ощущение, когда ходил удостовериться в том, что Авельрона поместили в лекарский блок. Брат Алайны пребывал в забытии, но Мариус снова как будто почувствовал присутствие чего-то чуждого человеческой природе и опасного. Так что... Авельрону сидеть в башне до тех пор, пока Мариус не убедится в том, что он совершенно безопасен. Алайне лучше ничего об этом вообще не знать.

Она – женщина, ее задачи – уют, тепло, семейный очаг, дети, когда будут. Хватит с нее уже, налеталась. О проблемах следует думать ему самому, и самому же их решать.

Мариус вздохнул, поймал на себе любопытный взгляд Фаэра. Тот едва заметно улыбнулся.

– Почти приехали, магистр. Повторюсь, вам ровным счетом не о чем беспокоиться.

– Я не беспокоюсь, – неохотно ответил он, – вернее, беспокоюсь, но не о том. Как понимаете, мне есть о чем поразмыслить.

– Да уж, – Фаэр хмыкнул, – когда до Его Величества дошла новость о падении Пелены... Скажем так, он не был этому слишком рад. Сегодня собирает магический совет, прежний Магистр был его постоянным членом. Теперь, значит, вы. Как преемник.

– А кто еще ожидается на совете?

Мариус не стал скрывать интереса. В землях Порядка не было иных магов, кроме Стражей и артефакторов. Но, возможно, он что-то упустил?

– Я там буду, – сказал Фаэр, – кроме нас с вами, Его Величества, будет еще одна интересная ниата. И все.

– Магический совет, говорите? – уточнил Мариус, делая ударение на слове «магический».

Фаэр прищурился. Неприятно так, недобро, словно заведомо знал, что они с Мариусом могут быть только врагами.

– Вас смущает мое присутствие? Извольте. Не только Магистр научился растить магов без свободно циркулирующей магии. Королевские службы тоже не простаивали все это время. Его Величество, знаете ли, лучше охранять, имея в руках возможность управлять материей.

– Я не знал этого, – Мариус все же улыбнулся.

– Естественно. До той поры, пока была Пелена, нам необязательно было об этом рассказывать Магистру Надзора.

– Почему же сейчас рассказываете?

Фаэр раздраженно пожал плечами.

– Потому что сейчас каждый второй может оказаться магом. Диким, необученным магом. И уже нет разницы, кто ты – страж Надзора или преданный королю воин. Кстати, магистр Эльдор, а что за смысл теперь в Надзоре? Пелены нет, крагхов пока никто не видел и никто не знает, куда они делись...

– И никто не знает, куда делся Рой, – подсказал Мариус, – полагаю, этот разговор ни к чему хорошему не ведет, ниат Фаэр. Мы с вами пытаемся обсуждать вещи при полнейшей неопределенности, а вы сходу пытаетесь мне сказать, что Надзор более не нужен. Я совершенно искренне полагаю, что Святой Надзор будет и дальше заниматься защитой простых людей. Не от крагхов, так от диких злонамеренных магов. Работы будет более, чем достаточно. И нам, и вам.

Фаэр лишь покачал головой, поджал губы и отвернулся к окну, теребя замшевые перчатки, что держал все это время в руках. Мариус повернулся к Алайне, встретил ее встревоженный взгляд. Малышка боялась. Впрочем, было чего. Этот Фаэр... Мутный субъект, непонятно чего хочет, непонятно какую игру будет вести дальше. И на самом деле плохо, что он увидел Алайну и теперь знает о ее существовании. Хорошо еще, что не знает всего: и того, что Алечка – дочь правителя крагхов, и того, что как следуетхватила магии, когда расколотила в труху часть артефакта прежнего магистра.

– Ничего не бойся, – произнес одними губами, и Алайна тут же улыбнулась, кивнула.

Каждый раз, как она улыбалась, словно тяжкий груз с души падал. И так хорошо становилось, как будто в его мрачноватый внутренний мирок заглядывало солнце.

Тем временем карета замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Мариус отдернул шторы, сообразил, что они прибыли на задний двор королевского дворца.

– Не стоит привлекать излишнее внимание, – быстро пояснил Фаэр, – прошу вас, следуйте за мной.

Он выбрался из кареты, помог выйти Алайне. В блеклом свете зимнего дня она чудо как хорошо смотрелась в белой шубке. В глазах отражалось небо, и Мариус, глядя на нее, постоянно ловил себя на крамольной мысли, что ничего не хочет. Ни быть магистром Надзора, ни плестись сейчас на магический совет. Самое лучшее, что можно было бы придумать – это уехать с Алайной к морю, снять там домик с прислугой и каждое утро прогуливаться по берегу, собирая выброшенные волнами ракушки. Его не отпускало чувство близкой опасности, везде мерещился подвох. Мало было явного чужого присутствия, необъяснимого, но вполне ощутимого. Мало было Авельрона, которого магистр потрепал так, что парень был едва жив даже после той целительной магии, что влил в него Мариус в меру своих возможностей. Так еще и Фаэр, и магический совет.

Тем временем они прошли за Фаэром в одну из боковых дверей, которая охранялась похлеще главного входа, поднялись на второй этаж по широкой белой лестнице с темно-зеленой ковровой дорожкой и оказались в просторной светлой комнате, обитой голубым шелком. Там стоял пухлый диван, рядом – столик, на котором, в свою очередь, поблескивала чеканная серебряная ваза с фруктами.

– Ниата может подождать здесь, – сказал Фаэр, кивнув на диван, – а мы с вами пойдем дальше.

Мариус повернулся к Алайне, незаметно пожал ей руку, шепнул:

– Отдохни пока. Как только я освобожусь, мы вернемся к тому месту, где нас прервали.

Она лишь улыбнулась, но с сомнением покачала головой.

– Ничего. Я подожду... Государственные дела важнее.

– Прекрасно, что ниата это понимает, – вклинился Фаэр, – пойдемте же, магистр. А вы, ниата, угощайтесь. Фрукты из королевской оранжереи.

И Мариусу очень не понравился взгляд, которым начальник королевской службы безопасности одарил Алайну Ритц. Нет, он не смотрел на нее как на молодую и привлекательную женщину. Наоборот, смотрел как на товар, который можно было очень выгодно продать, да и вообще извлечь из его наличия большую выгоду.

Морщась, он последовал за Фаэром.

Зал магического совета, как его именовал Фаэр, оказался довольно узкой и длинной комнатой, с тремя арочными окнами, забранными цветными витражами. В центре стоял стол, несколько стульев с высокими спинками – и все. А во главе стола уже восседал последний из Флодретов, Орвил Дей.

Мариус коротко поклонился королю, одновременно с интересом того рассматривая. Орвил Дей Флодрет оказался человеком совершенно неопределенного возраста. Светлые волосы, зачесанные со лба назад, светлые же, словно кусочки льда, глаза, и даже брови цвета лимонного золота. Подбородок гладкий, чисто выбритый, узкое породистое лицо, как у борзой, да и разрез глаз интересный, внешние уголки чуть приподняты. Запястья и пальцы короля, которые он держал поверх столешницы, были сухими, узкими, ни грамма жира. Все это составляло иллюзию этакого вечного юноши. Правда, сквозь видимость молодости проглядывали тонкие, но глубокие морщины – на лбу, в углах рта. И взгляд – о, взгляд совсем не мальчика. Пронизывающий, неприятный, как будто последний из династии Флодрет мог без особого труда влезть под черепную коробку, покопаться в мыслях и выудить именно то, что составляло саму суть человека.

Впрочем, у Мариуса был достойный учитель и долгие годы тренировки, поэтому он взгляд этот выдержал.

– Ваше Величество, – сказал Фаэр, – магистр Эльдор.

– Рад видеть нового Магистра Надзора, – негромко произнес король. Голос у него оказался под стать внешности: не громкий, но и не тихий, с легкой хрипотцой. Голос, по интонациям которого очень сложно оценить настрой собеседника.

– Здравия королю, – пробормотал Мариус.

В зале повисло неловкое молчание, затем король развел руками.

– Ну что ж вы, занимайте свои места... уважаемые ниаты, – на бледных губах промелькнула усмешка, – уже давно следовало бы начать, но... некоторые считают допустимым опаздывать.

Мариус еще раз поклонился, отодвинул стул и сел. Фаэр проделал то же с противоположной стороны стола, побарабанил пальцами по дереву, затем кашлянул.

– Я бы предложил начать без ниаты Дампи, Ваше Величество...

Король скривился.

– Илькер, я знаю, что ты ее недолюбливаешь. Но, поскольку она представляет артефакторов земель Порядка, мы не можем пренебрегать ее мнением... по всем вопросам. А пока ожидаем, мне бы хотелось поближе познакомиться с новым Магистром Надзора.

И перевел взгляд на Мариуса.

– С предыдущим Магистром у нас были отношения... хм, так себе, – между тем продолжил Флодрет, – хотелось бы услышать, чего нам ожидать от вас, ниат Эльдор.

Мариус твердо посмотрел в глаза королю и спокойно ответил:

– Ничего плохого уж точно не стоит ожидать, Ваше Величество. Точно так же, как и вы, я обеспокоен падением Пелены и внезапными перспективами оказаться лицом к лицу с Роем. Разумеется, стражи Надзора в состоянии остановить тварей... скажу так, некоторое их количество. Но беда в том, что Пелена пала по всей границе...

– И совершенно неясно, что будут делать крагхи, – добавил король и сложил пальцы домиком.

Свет, проходя сквозь витражи, заиграл на драгоценных перстнях.

– Осмелюсь предположить, ваше величество, что крагхов больше нет. И двуликих нет. Остались люди. То, что меняло их природу ранее, ушло.

– Откуда вам известно? – король приподнял левую бровь, отчего лицо приобрело чуточку злое выражение.

– Я успел провести некоторые изыскания в этом направлении, – сказал Мариус.

– А по моим сведениям, вы из дому не выходили, – подал голос Фаэр.

– Это ничего не значит, – он пожал плечами, – в моем распоряжении довольно средств, которые позволяют кое-что узнать, не выходя за пределы поместья.

– А с роем что? Не знаете? – Флодрет не скрывал интереса.

– Пока не могу сказать.

– Даже если твари пережили падение Пелены, – задумчиво произнес король, – у нас тоже есть некоторое количество магов, которые могут оказать им достойный прием. Но по-прежнему слишком много неизвестных в этом уравнении. Кто правит бывшими крагхами? Какие у него планы? Какова ценность земель из-за Пелены? Каковы возможности той магии, которой мы теперь располагаем?

– Позволю себе заметить, – Фаэр поднялся на ноги, – я пересмотрел старые карты и старые книги, ваше величество. До Пелены в тех краях находили золотые жилы. Железную руду. Соль. Много чего там есть, ваше величество. И если бы мы собрались... уверен, крагхи – дикари. Они не смогут противостоять армии Порядка. Особенно теперь, когда у них не стало крыльев.

– А, позвольте, когда в последний раз армия Порядка воевала? – король прищурился, – нет, воевать мы точно не будем, Фаэр, это глупо. Даже если крагхи и немногочисленны, и даже

если они дикари... Пастырь, да я бы лучше женился на какой-нибудь их принцессе. Ну, если таковая существует.

– Жениться на дикарке? Пристало ли Вашему Величеству?

Король усмехнулся.

– А почему нет. Возможно, Пастырь наградил ее отменным здоровьем, она родит мне кучу наследников и укрепит династию, в отличие от Вильи, да пребудет ее дух с Пастырем... Кстати, магистр Эльдор, а у вас что с этим?

– С чем именно ваше величество?

– Вы женаты?

Мариус пожал плечами.

– Нет еще, ваше величество. Но как раз собираюсь. Вы приказали явиться на совет как раз в тот момент, когда мы с невестой шли подбирать свадебное платье.

Флодрет подкатил глаза, махнул рукой.

– Оставьте пока это, магистр. По крайней мере, на пару месяцев. Сейчас не до свадеб и не до медовых месяцев будет, как вы понимаете.

– Не могу, ваше величество, – Мариус даже удивился тому, как спокойно прозвучал его голос, – я женюсь на сироте. Не хочу, чтоб о ней пошла дурная слава.

– Придется подчиниться, магистр Эльдор, – внезапно голос короля обрел твердость металла, – вы могли делать что угодно, когда не были магистром. А теперь вы себе не принадлежите, надеюсь, это понятно. Женитесь тогда, когда уладим дела с нашими новыми соседями и с магами внутри королевства, понятно вам?

– Я пекусь о репутации девушки, – упрямо сказал Мариус.

– Ну, чтоб с репутацией ничего не случилось, надо сдерживать, хм, проявление своих чувств, – отрезал король, – надеюсь, вы меня поняли, магистр Эльдор?

Мариус кивнул. А потом все-таки поинтересовался:

– Позволю себе нескромный вопрос, Ваше Величество. Прежнему магистру вы тоже что-то запрещали?

Флодрет усмехнулся, но взгляд потемнел, сделался тяжелым, как грозовая туча.

– Когда было нужно, он всегда был рядом, – процедил, – и никогда не делал глупостей. Чего и вам советую, магистр Эльдор. Надзор – не единственное место, где готовили магов, а вы не вечны. И ваша невеста – тоже хрупкое создание. А король здесь все-таки я, и я буду решать, что делать моим подданным, а чего не делать. Если это, конечно, верные подданные, а не затаившиеся в тени предатели. Вы меня поняли, магистр?

Желание подняться, уйти и хлопнуть дверью было сильным. Но он сдержался, стиснув челюсти. Потому что вот так, с ходу, ссориться с королем и правда было неразумно. При этом, правда, оставался вопрос, как смотреть в глаза Алайне – но Мариусу хотелось верить в то, что она поймет. И не осудит. Его маленькая добрая птичка.

– Два месяца, – твердо сказал он Флодрету, – через два месяца я женюсь, независимо от вашего мнения по этому поводу.

– Вы не подчинитесь королевскому приказу? – казалось, король уже смотрит на него с искренним интересом.

Мариус же совершенно спокойно продолжил. Да, он отдавал себе отчет в том, что говорит с королем. Но он привык говорить с прежним Магистром, а по сравнению с тем Флодрет был мелковат, что ли.

– Не стоит угрожать мне и моей невесте. Потому что магистрами не становятся слабые маги. И, в свою очередь, я ведь тоже могу что-нибудь не разрешить вашему величеству.

В зале повисла мертвая тишина. Фаэр, так тот вообще, казалось, забыл, как дышать. А Мариус упрямо смотрел и смотрел в льдистые глаза монарха, и понимал, что вот она – та черта, переходить которую не стоило, а он все равно перешел, потому что Алька для него

стократ важнее и весомее, чем все самодурство этого холеного блондинчика. И плевать на то, что потом. Он не даст в обиду ни себя, ни Алайну.

– Ну, знаете ли, – вдруг совершенно спокойно сказал Флодрет, – вы бы послушали меня, как человека старше вас. Вы – магистр. Думать надо о королевстве, а не о своих чувствах. О королевстве и о людях, которые его населяют. А сиротка ваша – уж пару месяцев подождет. Даже если вы ей ребенка заделали, два месяца ничего не решат. Будете заниматься семьей, когда все утрясется. Вот тогда делайте, что хотите. Но не сейчас, слышите? Сейчас вы нужны королевству.

И умолк, задумчиво сверля взглядом столешницу.

А Мариус подумал, что был резон в словах короля. Он теперь Магистр, и думать должен не только об Алайне Ритц. Вот как получается. Искренне верил, что Стражем был несвободен, а оказалось, что то была воля вольная.

– Простите, Ваше Величество, – сказал он, – я погорячился.

– Да уж, – король вздохнул.

Было видно, что он хотел еще что-то добавить, но не успел. Дверь со стуком распахнулась, и в зал магического совета вбежала та самая ниата Дампи.

Она не вбежала, нет. Почти влетела, рассыпая на ходу свитки.

– О, ваше величество, простите, простите меня Пастыря ради! Клянусь, больше никогда...

Сгрузив уцелевшие свитки на стол, она принялась собирать те, что рассыпались.

– Видите, ваше величество, я подбирала материал для сегодняшнего заседания... И вот, немного задержалась. Хотела, как лучше, получилось как всегда.

Мариус осторожно покосился на короля, ожидая по меньшей мере недовольства, но на удивление Орвил Дей Флодрет наблюдал за происходящим с совершенно добродушной улыбкой, как смотрят на проказы любимых детей. Фаэр же взирал на ниату с совершенно кислой миной, словно хотел сказать – вот видите, я же предлагал начинать без нее, что тут вообще можно обсуждать с этой женщиной.

Тем временем Дампи собрала рассыпанные свитки, подошла с ними к столу. Мариус получил возможность рассмотреть ее – Дампи оказалась высокой, но изящной женщиной с темно-каштановыми волосами, темными же глазами, то ли серыми, то ли карими. Нос у нее, на вкус Мариуса, был длинноват, но совсем ее не портил, а даже наоборот, придавал внешности особый шарм. А в целом у нее оказалось весьма приятное и – что самое примечательное – умное лицо. Одета Дампи была в темно-синее платье с белым ажурным воротником, под горло, а длинные волосы закручены в простой узел на затылке. Строго и гладко, ни одной прядки не вытрепалось.

– Еще раз приношу извинения, – она растерянно смотрела то на короля, то на Мариуса, – так неловко, простите.

– Энола, присаживайтесь, – попросил Флодрет, – и без того времени сколько потеряли.

Она вздохнула, поникла и быстро уселась на соседний с Мариусом стул. Но тут же встрепенулась, посмотрела на Мариуса.

– Вы – новый магистр Надзора?

– Магистр, да, – ответил за него Флодрет, – ниат Эльдор. Тебе, Энола, с ним работать придется.

– Очень приятно, – сказала женщина и протянула руку. Не для поцелуя, для совершенно делового и мужского рукопожатия, – Энола Дампи, представляю гильдию артефакторов.

Мариус молча пожал ее руку, крепкую и теплую наощупь. Заметил, что тыльная сторона ладони исчеркана тонкими белыми шрамами. Энола смотрела на него с нескрываемым интересом, а Мариус про себя отметил, что она наверняка старше его лет на пять. Хотя кто их, этих женщин, поймет.

– Итак, – произнес король, – теперь, когда совет в сборе, мы можем обсудить некоторые вопросы, которые возникли с падением Пелены. К сожалению, уже не узнаем, почему это произошло, но – что есть, то есть. И с этим надо что-то делать. Первой отчитывается представитель гильдии артефакторов, ниата Дампи. Что хорошего поведаете, Энола?

Последнее предложение было сказано каким-то особенным, почти домашним тоном. Так спрашивают жену на предмет, что сегодня на ужин, дорогая? Ну, или там, как сегодня провела день, душа моя? И Мариус внезапно подумал, что даже ему стало интересно, а какие отношения связывают короля и Энолу Дампи.

Энола сцепила пальцы в замок, положила их перед собой.

– Скажу много хорошего, ваше величество. Я успела к этой встрече провести несколько экспериментов, и результаты весьма и весьма обнадеживают. С небольшими поправками артефакты будут работать и без резервуаров с частицами Пелены. Я нашла в архиве артефакторов несколько интересных работ, – быстрый жест в сторону груды свитков, – вы все сможете с ними ознакомиться после того, как закончится официальная часть. Но суть в том, что даже существующие артефакты не утратили до конца свою работоспособность. Небольшая корректировка – и все снова заработает. Так что не будет необходимости все переделывать.

– Как интересно, – прошипел Фаэр со своей стороны стола, – вы утверждаете, что для артефакторов столь глобальные изменения мира прошли совершенно безболезненно!

Энола окинула его задумчивым взглядом, словно пытаясь понять, что здесь вообще делает этот человек.

Затем спокойно ответила:

– Ну да, ниат Фаэр. Это ведь у магов – резерв, внешние энергетические поля, конструкты. Те, кого создали с помощью Пелены, все эти годы носили резерв в себе, а чтоб что-то отщипнуть, собственно, от пелены, это надо было постараться. К тому же, насколько мне известно, был еще третий, вам неизвестный элемент, который как будто бы мог случайным образом изменить потоки, а вы так и не выяснили, что ж это было... У артефакторов все иначе. Каждый компонент артефакта обладает потенциалом, взаимодействие образуется разностью потенциалов. Поскольку свободной магической энергии не было, в артефакты помещали частицу Пелены, чтоб сделать возможной реализацию потенциалов. Теперь это не нужно, потенциалы и так реализуются с небольшой поправкой на расстояния.

Энола Дампи умолкла, а Мариус подумал с невольным уважением, что, какие бы отношения не связывали эту женщину с королем, представителем гильдии она стала не на пустом месте.

– Хорошо, – Флодрет откинулся на спинку стула, – это хорошие вести, Энола. Вы меня порадовали. Следующее, что я бы хотел обсудить с вами, это вопросы безопасности королевства.

И выразительно посмотрел на Фаэра.

Тот поднялся.

– Ваше величество, в нашем распоряжении тридцать боевых магов. Подчеркну, обученных магов.

Понятное дело, сделать тридцать магов при отсутствии свободной магии – та еще задачка. Далеко не все могли пережить процедуру «слияния с Пеленой», как ее именовал Магистр...

– А у вас сколько, в Святом Надзоре? – Мариус встретил колющий взгляд короля.

– Сотня. Примерно сотня стражей, и десять приоров, по количеству крупных земель.

– Фаэр, в Надзоре изготавливали магов куда более успешно, – король усмехнулся, а Фаэр даже не побагровел. Позеленел. Метнул в Мариуса совершенно испепеляющий взгляд.

– Просто у бывшего Магистра было больше опыта в этом деле, – сказал Мариус, – и, судя по всему, он не спешил делиться секретами с королем.

– Теперь в этом вообще нет нужды, – Флодрет махнул рукой, – по-хорошему, нам всем следует заняться теми магами, которые появились в результате... всего этого. Нужно их обучить, в конце концов, обеспечить жалованьем, приличным жалованьем. Поставить на довольствие тех, что послабее. Коль скоро нам неизвестно, чего ждать из земель за Пеленой, могут пригодиться все.

– Простите, Ваше Величество, я всегда считал, что лучшая защита – это нападение, – проскрежетал Фаэр.

– Да что вам спокойно не сидится-то? Я же сказал уже, Фаэр, что война – это последнее, на что я пойду.

– Но золото...

– Оно никуда не денется, – в голосе короля вновь угрожающе звякнул металл, – я уже говорил, что не собираюсь воевать. Земли Порядка самодостаточны, здесь есть все, что нужно для спокойной жизни.

– А если они нападут первыми?

Флодрет пожал плечами.

– Этого никто не может предсказать. И, что уж там... Было бы очень неплохо иметь на руках каких-нибудь ценных заложников, что ли. Залог мира, да. Но у нас их пока нет, а где взять – не знаю. Поэтому мы возьмем на вооружение выжидательную тактику. А если они сами захотят прийти и обсудить – то я буду только рад. Полагаю, переговоры – лучший способ прийти к взаимовыгодному соглашению.

Фаэр снова занял свое место и уставился куда-то себе под ноги. Было видно, что он недоволен, и было видно, что вот этот-то субъект с удовольствием бы организовал вторжение в земли за Пеленой, но... Против королевского слова не очень-то погрешь.

– Магистр Эльдор, – негромко произнес король, – я очень рассчитываю, что вы отрядите в приграничные земли по меньшей мере половину имеющихся стражей. Лучше им быть там, чем в Эрифрее.

– Как сочтете нужным, ваше величество, – тут возразить было нечего.

Лишний маг на линии соприкосновения не помешает.

Потому что – король прав – никто не знает, что там на уме у Сантора.

И какой-нибудь ценный заложник не помешал бы.

Выглядит все это, конечно, грязно и мерзко, и как-то недостойно, но... Если выбирать между тем, чтоб остаться чистеньким, и жизнями простых людей... Увы. Умом Мариус понимал, что придется выбрать второе.

Потом слово взяла Энола Дампи. Она выудила один из своих свитков, расстелила по столу, и принялась рассказывать о том, какими способами можно построить защиту на основе артефактов. Мариус слушал в пол-уха, про себя изумляясь уровню подготовки этой самой Энолы, и одновременно думая, думая...

Он думал про Авельрона.

И о том, что отпускать его нельзя. Во-первых, не до конца ясно, что представляет собой брат Алайны в магическом плане. Он ведь был рядом, когда Магистр плеснул во все стороны непомерно тяжелой волной чистой магии. Если у Авельрона были зачатки резерва, то и резерв мог реализоваться изрядный. К тому же, Авельрон был крагхом, не человеком. Кто знает, а вдруг крагхи обрели какие-то отличные от людских магов способности?

Во-вторых, Мариусу не очень нравилось состояние Авельрона. Лекари с ним возились, но особых результатов пока не достигли. Возникало чувство, что, выламывая крылья, старый магистр навредил Авельрону куда больше, чем тогда Мариусу показалось.

Ну, и во-третьих... К несчастью, Авельрону не повезло родиться сыном Сантора. И заложник из него получался просто идеальный. Вряд ли Сантор будет им жертвовать.

Но это было грязно и мерзко, держать в плену Авельрона. Опять же, Алайна спросит. Придется объяснять про магию. И про собственные странные ощущения в присутствии ее брата.

«Я его отпущу, – все-таки решил Мариус, – надо просто убедиться, что Авельрон неопасен. И что Сантор не собирается идти войной на земли Порядка, хотя у тех, кто были крагхами, отношения с людьми могут совсем незаладиться. Но Авельрона нужно отпустить, потому что, если говорить о заложниках, тогда и Алька... она ведь тоже дочь Сантора. Хорошо, что об этом никто не знает».

И, приняв такое решение, даже вздохнул с облегчением.

Все-таки заложник – это совсем подло.

В это время Дампи завершила свой доклад, король, не таясь, зевнул.

– Ваше величество, – сказал Мариус, – мне кажется единственно правильным шагом отправить послов в земли за Пеленой с предложением провести переговоры. Мы можем сколько угодно здесь сидеть и гадать, что там на уме у тех... Но можем и спросить, чего они хотят.

– Это будет сделано в ближайшее время, – Флодрет рассеянно теребил край свитка, и было видно, что доклад ниаты Дампи его едва не усыпил.

– Хорошо, – Мариус кивнул, – я не думаю, что они нападут, ваше величество. У них сейчас полно своих забот. Они лишились крыльев, а это меняет все. Вообще все.

– Мы по-прежнему не знаем, живы ли твари роя, – пробурчал Фаэр.

– Послы, это все выяснят послы, – Флодрет еще раз зевнул, – я предлагаю завершить совет. По вопросам магии в землях Порядка мы прошли, вопросы артефакторики обсудили.

В этот миг в дверь осторожно постучали. Фаэр поднялся, открыл. В дверь просунулся человек в темно-зеленом мундире королевской охраны, что-то передал Фаэру, обменялся с ним парой фраз и ушел. А когда Фаэр повернулся, Мариус понял, что тот весьма доволен.

Впрочем, выражение довольства тут же сошло с физиономии Фаэра, уступая место тревоге.

– Ваше величество! – воскликнул он, – только что... То, чего я боялся. Донесение. Они напали первыми.

Глава 2. Переезд

Оставшись одна в голубой гостиной, Алька обессиленно опустилась на край дивана. Тот страх, что двумя часами раньше щекотал едва заметно, теперь ворочался в груди беспокойной колючей личинкой. От дурного предчувствия пересохло во рту, как будто что-то совсем нехорошее должно вот-вот произойти. Но ведь... Мариус не даст их в обиду, их обоих?

Она принялась механически расстегивать шубку, все же во дворце было натоплено, потом сняла ее и аккуратно положила на подлокотник дивана. Снова уселась. Разгладила подол платья. Вспомнила, как купали его, и как она ненавидела Мариуса за то, что заставляет терпеть эту боль, раз за разом разворачивая к той, прошлой жизни, до того, как приор Надзора поставил печать. Она-то ненавидела, а он взял – и изменил весь мир, к добру ли, к худу ли... Алька вздохнула и принялась от нечего делать разглядывать комнату.

Пока что она была совершенно одна, стража осталась по ту сторону дверей. Пить хотелось жутко, но воды не было. Правда, в серебряной вазе красовалась кисть винограда – спелая, нежно-зеленая, и Алька отщипнула ягоду. Вкус оказался почти божественным, она даже зажмурилась, когда на язык брызнул сок. Потом взяла еще ягоду. Может быть, все как-нибудь обойдется, а страхи – это всего лишь глупые страхи?

Она поднялась, обошла комнату. Под одним из окон, на пуфике, внезапно обнаружился альбом с акварелями, и Алька уж собралась взять его и полистать, поскольку сама рисовала, да и вообще, была к картинам равнодушна, но тут одна из дверей распахнулась, и на пол с громким шорохом полетели свитки.

– Крагхов хвост, – выругался их владелец приятным и низким женским голосом.

Через порог ступила высокая женщина в темно-синем закрытом платье. Часть свитков она все же удержала, но прочие, примерно с десяток, шаловливо раскатились в разные стороны.

– Крагхов хвост, – с чувством сказала она, глядя на такое безобразие, – опаздываю.

У нее приятное лицо, подумала Алька.

Интересно, кто она?

И, не раздумывая, бросилась помогать собирать свитки.

– Пастырь с вами, ниата, я бы и сама управилась, – прозвучало сверху, – мне так неловко... Вечно наберу полные руки, а потом все выскальзывает и падает.

Алька подобрала последний свиток, выпрямилась, подавая собранное незнакомке. И подумала, что у той очень добрые глаза. И очень красивые. К зрачку мохово-зеленые, а к внешней стороне радужки темно-серые. В густых загнутых ресницах. А еще женщина была сильно старше самой Альки, о чем говорили тонкие морщинки на лбу и в уголках глаз.

– Спасибо, – сказала женщина, – я вас никогда здесь не видела. Кто вы?

Тут Алька растерялась. Сказать, что невеста Эльдора? А нужно ли об этом кому-либо знать во дворце? Соврать, что прислуга? Нет, так вообще не пойдет.

– Я, – она запнулась, но потом все же выговорила, – Алайна Ритц. Я здесь... с ниатом Эльдором. А он пошел на совет, и я жду.

– Энола Дампи, – представилась женщина и сделала движение, как будто хотела протянуть руку, но вовремя вспомнила, что держит охапку свитков, и смущенно рассмеялась.

– Я тоже вот, на совет спешу, – добавила, с улыбкой глядя на Альку, – Ух, честно говоря, я только вздохнула с облегчением, когда узнала, что прежний магистр отправился к Пастырю. Невыносимый был просто тип, ну просто бр-р-р-р. А вы, наверное, жена магистра Эльдора?

Алька поняла, что краснеет. Может, и нужно было соврать, но не получилось.

– Нет... Пока нет. Невеста.

– Невеста, – тихо повторила Энола Дампи, – что ж, милая, желаю вам удачи в этом ответственном деле. Спасибо, что помогли. Ну, а я, – картинно подкатила глаза, – я отправляюсь на

совет. Посмотрю на вашего жениха, вернее, на нового магистра Надзора. Думаю, он милейший человек.

– Почему вы так думаете? – Альке внезапно захотелось, чтобы эта ниата со свитками не уходила. Внутреннее расположение, вот что почувствовала Алька.

А потом вспомнила королеву Велейру. Та ведь тоже казалась милейшей женщиной, а на деле оказалась ядовитой змеей.

И Арианну. Да, Арианну, которая своим предательством едва не загубила Мариуса.

– Потому что только милейший человек может жениться на такой милейшей особе, – сказала Энола Дампи, – я бы поболтала с вами, дорогая, но надо идти. Совет, понимаете ли. Разве что... попрошу вас открыть мне следующую дверь, не то я до завтрашнего дня на совет не попаду...

Алька кивнула и пошла открывать дверь.

А потом снова осталась одна и решила все же посмотреть тот альбом с акварелями, который заметила на пуфике. Она взяла его, вернулась на диван и принялась рассматривать чужие рисунки.

Наверное, акварели принадлежали кисти совсем юной особы. Все было розовеньким, лиловым, золотистым. Цветы, бабочки, головы благородных единорогов. Замок в тумане. Восход над морем. Алька-то и моря никогда в жизни не видела, только на картинках. Она вздохнула. Было бы, наверное, здорово, чтоб съездить на побережье вместе с Мариусом. Но теперь-то уже не получится... Занят он будет целыми днями. Государственные дела, они ведь важнее.

Ей стало так грустно, хоть плачь. А альбом как раз был раскрыт на странице, где над букетом чайных роз порхала яркая южная бабочка. Здесь таких точно не водилось. А может быть, их вообще нигде не водилось, а была бабочка плодом воображения той девочки, которая рисовала в этом альбоме...

Алька смотрела, смотрела на бабочку.

И снова тоска грызла сердце.

Почему у них с Мариусом не может быть так, как у обычных людей?

И сама же себе ответила: да потому, что Мариус Эльдор – не обычный человек. Не бывает так, чтоб было все и везде, наоборот, где-то убыло, а где-то прибыло. В их случае, наверное, прибыло по части должности жениха – но убыло по части того времени, которое он сможет проводить с невестой. Так-то. По-иному не получается.

Впрочем, и сама Алька тоже не была обычным человеком, и это глупо отрицать. Особенно когда в ванной пальцы заискрились.

Это была магия, сказал Мариус.

Что удивительно, Алька не чувствовала в себе почти никаких изменений. Разве что иногда перед мысленным взглядом мельтешили какие-то странные точки, очень далекие, но чувство было такое, как будто Алька с ними связана. И все. Мариус сказал, что ее дар обязательно нужно будет исследовать, но пока как-то руки не дошли.

И вот теперь, глядя на нарисованную бабочку, Алька поймала себя на мысли, что ей очень хочется сделать что-нибудь этакое, магическое.

Она воровато огляделась, убедилась, что обе двери плотно закрыты, что никто за ней не следит. А потом, положив пальцы на бабочку, попыталась обратиться к тому, что Мариус называл резервом.

Где-то внутри нее есть невесомая бочка, полная магии. Как зачерпнуть из нее? Неведомо.

Да и как можно зачерпнуть из того, чего не видишь и не осязаешь?

Может быть, вот это тепло в груди и есть тот самый загадочный резерв?

Алька прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Ну и что, что никогда такого не делала? Вон, когда нужно было в башню слетать, сумела ведь в крагха обратиться. А теперь? Теперь

воспользоваться собственной магией. Даже не той, которая, по словам того же Мариуса, свободная, а своей, которая должна быть где-то глубоко внутри...

Внезапно кончикам пальцев стало горячо, словно прислонила к боку кастрюли. Алька невольно вскрикнула, отдернула руку – и очень вовремя. Из совершенно плоского альбомного листа неторопливо выдиралась та самая нарисованная бабочка. Как будто сквозь прозрачную пленку, сперва головка с усиками, туловище, а потом и крылышки. И была она точь-в-точь, как та, нарисованная, даже ярче.

Алька только и смогла, что растерянно ойкнуть, когда бабочка пару раз раскрыла и сложила крылышки, разминаясь, а потом попросту взлетела вверх, под потолок, оставив на рисунке пятно белой бумаги.

– Ох, – выдохнула Алька потрясенно.

Они не встречала ничего подобного. Как это? Она оживила рисунок? Сделала живым то, что было просто изображено на бумаге? Но ведь не бывает такого! Или теперь может быть все, что угодно?

Между тем бабочка порхала высоко наверху, а потом, словно устав, уселась на обои, сложила крылышки. Алька еще раз посмотрела в альбом. Да, точно. То место, откуда улетела напитанная магией южная красавица, было пустым и скучным.

Алька совсем растерялась. Ну надо же, испортила рисунок этой своей магией. Надо будет Мариусу рассказать... А если кто сейчас войдет и бабочку увидит? Что тогда?

И, словно в ответ на опасения Альки, одна из дверей медленно приоткрылась.

На пороге стоял ангел, иначе и не скажешь. Это была худенькая девочка, в прекрасном нежно-лиловом платье с воздушными оборками. Ее треугольное личико казалось фарфоровым, глаза были огромными, на пол-лица, носик аккуратный и розовые губы бантиком. Руки казались тоненькими прутиками, тонули в пышных кисейных рукавах по локоть, на изящных запястьях блестели золотые браслеты. Волосы... Альке оставалось только вздохнуть. У нее самой никогда таких не было и уже не будет – пышных, густых и редкого, очень светлого оттенка. Такого светлого, что, казалось, они просто белые. Волосы были завиты крупными локонами, завязаны на макушке в два тяжелых хвоста и тяжело ниспадали на узкие плечи девочки.

«Откуда здесь ребенок?» – только и успела подумать Алька, в то время как воздушное создание решительным шагом пересекла гостиную и уставилась на альбом в ее руках.

– Простите, ниата, но это – мое, – решительно сказала она.

Голос напоминал перезвон тонких хрустальных бокалов.

Алька невольно посмотрел туда, где на обоях продолжала сидеть улетевшая с рисунка бабочка. Девочка пока что не видела белого пятна, потому что Алька закрыла его рукой.

«Будет совсем нехорошо, если заметит», – решила она и торопливо перелистнула страницу.

– Извините, – быстро сказала Алька, – он просто лежал здесь, а я... просто жду. Поэтому позволила себе ознакомиться с содержанием.

Решительно захлопнула альбом и протянула девочке. Та отчего-то нахмурилась, но акварели забрала, посмотрела на Альку задумчиво, исподлобья.

– Магический совет, да?

– Да, – Алька кивнула.

Она ожидала, что девочка развернется и уйдет, но вместо этого та тяжело вздохнула, положила альбом на диван, и сама села рядом.

– Я тоже частенько здесь жду.

И умолкла, о чем-то размышляя.

Наверное, это была дочь кого-нибудь из придворных, решила Алька. А вслух просила:

– Вам, наверное, скучно сидеть здесь одной?

– Не то слово, – девочка пожалала узкими плечами, – но что поделаешь. Вот если бы у меня была мама... Но она умерла очень давно, я ее и не помню. Ниата Дампи иногда со мной возится, но я знаю, что ей это неинтересно. Ей куда больше нравится возиться со своими артефактами, чем с моими куклами. Хотя однажды она мне целый дворец сделала кукольный, а еще механическую куклу на артефакте, она умела ходить и говорить «привет, Леона». Это меня так зовут. А вас?

– Алайна, – ответила механически Алька, переваривая вываленную девочкой информацию.

Значит, с ней иногда играет ниата Дампи, та самая, что поспешила на совет. И ее отец бывает на совете.

– У меня тоже нет мамы, – эти слова как-то сами собой соскочили с языка, – я тебя понимаю. Но у меня есть младший брат, он сейчас в школе для мальчиков.

Леона едва заметно улыбнулась. Она вообще, судя по всему, делала это не часто и была спокойным и серьезным ребенком.

– Вам понравились мои рисунки? – спросила она, снова беря альбом в руки.

– Очень, – правдиво ответила Алька.

И в этом не было вранья, ей действительно понравились воздушные акварели, исполненные истинно девчоночьей тягой к нежности.

– А какой больше всех? – требовательно спросила Леона, склонив голову к плечу.

Она совсем не торопилась уходить. Похоже, она отчаянно скучала весь этот день, а тут вдруг встретила человека, с которым можно просто поболтать.

Не дожидаясь, пока Алька ответит, она принялась листать альбом.

– Моя любимая акварель, это с чайными розами, – Алькино сердце пропустило удар, – почему-то я думаю, что моя мама любила чайные розы. Отец постоянно требует, чтоб приносили их в мою комнату. Постоянно, каждое утро на столе ваза с чайными розами. Иногда мне начинает казаться, что я их ненавижу. А когда я ему об этом сказала, он очень рассердился, сказал, это в память о матушке... Ой.

Алька похолодела.

Девчушка растерянно смотрела на совершенно белое пятно в том месте, где была бабочка. Потом перевела взгляд на Альку и спросила:

– Как же так? Тут же бабочка была...

Лицо девочки подозрительно сморщилось, губы задрожали, и Алька вдруг поняла, что если этот несчастный ребенок разрыдается, то она сама заплачет рядом с ней. Она вдруг словно увидела перед собой, как на ладони, жизнь этой девочки: вечно чем-то занятый отец, быть может, строгая нянька, молчаливая прислуга... и все. Никого больше. Еще и рисунок оказался испорчен.

И, понимая, что, возможно, совершает сейчас самую большую глупость в своей жизни, Алька приобняла Леону за плечи и указала под потолок, на стену.

– Вон она, Леона. Я не знаю, как это получилось... И не думаю, что об этом кому-то надо говорить.

– А, вон она где, – совершенно спокойно сказала девочка, как будто и не удивилась.

Алька вспомнила, что когда тебе десять лет, в чудо поверить очень легко. И принять его тоже просто.

– Жалко, что ее оттуда не достать, – тем временем рассуждала Леона, – я бы ее унесла к себе в спальню и играла бы с ней.

– Я могу попробовать ее достать. Не обещаю, правда, что получится...

Алька закрыла глаза, потянула руку к бабочке, одновременно пытаясь снова увидеть внутри себя те самые точки, мерцающие зеленоватым на черном бархатном фоне. Ей казалось, что связь с одной из этих точек чуть более сильная, да и сама точка светит чуть ярче.

– Она летит сюда! – радостно пискнула малышка, – как это у вас получилось?

– Сама не знаю, – пробормотала Алька, – пожалуйста, не говори никому... Пусть это будет ваш маленький секрет, а?

Порхая, бабочка подлетела совсем близко и опустилась на ладонь. Алька открыла глаза. Ей и самой хотелось рассмотреть поближе красавицу. Невероятно, но бабочка, похоже, была самой настоящей, живой. Усики подрагивали, бархатистые синие крылья с зеленоватым отливом трепетали. Бабочка перебирала тонкими лапками, и Алька чувствовала легкую щекотку на коже.

– Вот бы мне ее взять, – восторженно пробормотала Леона, – за крылышки не хочу, испорчу... Как же тогда?

И тут Алька окончательно решилась.

Ей казалось, что у нее есть какая-то незримая связь с этим чудом. И она, даже не вполне осознавая как, послала мысленный образ. Бабочка на плече у Леоны. Бабочка на ладони у Леоны.

«Иди к ней, иди. Она теперь твоя хозяйка».

Это было чистой воды безумием. Да и как можно приказывать бабочке, которая и думать-то не умеет?

Но – получилось. Получилось!

Синекрылая красавица плавно взлетела с Алькиной ладони и аккуратно села уже на пальцы Леоны.

Алька попыталась снова увидеть глубоко внутри себя ту самую, яркую точку – и не увидела. И связь как будто пропала. Может быть, теперь эта связь образовалась у Леоны с бабочкой?

Покачав головой, Алька прошептала:

– Ну вот, юная ниата. Наверное, теперь она ваша. Обращайтесь с ней бережно и... Я не знаю, сколько она проживет. Вы ведь понимаете, что бабочки не должны улетать с рисунков?

Леона серьезно кивнула.

– Я знаю, что бабочек можно кормить сладкой водой, – сказала она очень серьезно, – не беспокойтесь. Я никому ничего не скажу. Как думаете, она не улетит от меня?

– Не знаю, – честно призналась Алька, – правда, не знаю.

– Ну и ладно, – покладисто согласилась девочка, – тогда я... мы пойдем. Отнесу ее к себе. Может быть, даже домик сделаю. Спасибо вам, ниата. Таких подарков мне еще никто не дарил.

Она медленно поднялась с дивана и, держа бабочку на вытянутой руке, отправилась к себе. Алька так и осталась на диване, а рядом лежал ненужный никому альбом с акварелями.

«Ну надо же, – подумала она, – все это просто невероятно. И все это – со мной... Интересно, что Мариус скажет?»

Алька не знала, как ее жених отреагирует на новость про ожившую бабочку, но почему-то казалось, что он просто прижмет ее голову к груди, скажет – ничего не бойся, маленькая. Мы все одолеем...

Снова хлопнула дверь. По гостиной рысцой пробежал человек в зеленом мундире. Потом он нырнул в следующую дверь и некоторое время отсутствовал. Точно так же прорысил в обратном направлении. Алька вдруг стало нехорошо – душно, снова поднялась тревога. Ведь все это не просто так, верно?

А потом в гостиную вышел Мариус. Алька поднялась, быстро подошла к нему, взяла за руку, заглядывая в глаза. И поняла, что Мариус страшно зол и раздражен.

– Что? – одними губами спросила она.

– Ничего. Идем, Алайна. Его величество пожаловал нам дом в Эрифрее.
И как-то зло, неприятно это сказал, как будто Алька в чем-то провинилась.

– Мариус, – прошептала она, – что произошло?

– Я же сказал, ничего, – процедил он сквозь зубы, – пожалуйста, пойдем. Незачем здесь задерживаться. И без того дел по горло.

Внутри все как будто скрутилось в ледяной узел. Да что ж такое? Почему он ничего не хочет говорить? Что такого произошло на этом треклятом совете?

Она прикусила губу и молча, покорно последовала за магистром Надзора. А на душе было больно и горько. Она ведь ничего дурного не сделала, почему он заставляет чувствовать себя виноватой? Почему?

Но все стало еще хуже, когда сели в карету. Мариус только отдал указание, куда ехать, и умолк, сверля Альку тяжелым взглядом. Карета тронулась, зацокали звонко подковы о булыжники. Мариус молчал, сурово сжав губы, и все смотрел куда-то сквозь нее. А у Альки все внутри болело, скручивалось жгутом. Она не понимала, почему все так. И не могла решиться спросить еще раз.

– Куда мы едем? – наконец осмелилась она.

Молчание в ответ, как будто он и не слышал.

– Мариус...

Он вздрогнул, посмотрел на нее так, словно только что увидел.

– Что, прости? Ты что-то спросила?

«Ну, хотя бы заговорил».

Воодушевившись, Алька выдавила несмелую улыбку.

– Куда мы едем? Где этот дом, что пожаловал нам король?

– А, – он неопределенно махнул рукой, – это здесь недалеко. Скоро будем.

– Честно говоря, мне бы хотелось вернуться в Роутон, – негромко сказала Алька.

– Королевский приказ, – сухо ответил Мариус и снова задумался.

«Да что с ним?»

Она чувствовала, что на совете произошло что-то совсем нехорошее. Но Мариус не хотел рассказывать, а подспудно Алька понимала, что своими приставаниями только его разозлит. Вот такой непростой мужчина ей достался, ничего не поделаешь. И ведь она сама к нему, считай, пришла.

«Ну что ж, – она вздохнула, – придется подождать. Захочет, сам расскажет».

И в карете снова воцарилась неприятная, вязкая тишина, прерываемая лишь стуком подков по мостовой и едва слышимым скрипом рессор.

Их привезли к двухэтажному дому, сложенному из темного камня. Мариус выбрался, не говоря ни слова, подал руку Альке – пальцы его показались ей непривычно холодными – а потом застыл, задрав голову, стоя перед ажурными воротами, разглядывая дом.

Алька молча стала рядом. На первый взгляд, этот дом казался совершенно заброшенным, но не обветшалым. Даже окна не были заколочены. От ворот к парадному подъезду вела широкая дорожка, посреди которой замерзла изрядных размеров лужа. Тонкий ледок чуть припорошен снегом. Ну и розовые кусты на клумбах разрослись просто до неприличия, словно черные чудовища, шипастые, когтистые. А так – просто дом. Большой, богатый. Двери высокие, потемневшие от старости, покрытые резными орнаментами. Наверное, здесь жил какой-нибудь аристократ. Или очень богатый купец.

Она вздрогнула, услышав, как Мариус едва слышно смеется. Он посмотрел на нее – а темные глаза казались совершенно больными.

– Что? – спросила она.

Но Мариус лишь мотнул головой, затем порылся в кармане форменного, с золотыми шнурами, сюртука магистра.

– Идем, здесь есть калитка. А его величество расщедрился на ключ. Не догадываешься, чей это дом, Алайна?

– Нет, – она растерялась, – откуда мне знать? Возможно, опального аристократа?

– Ну да, конечно... Будет король раздавать владения опальных аристократов, как же... – он мягко взял ее за руку и повел вдоль ажурной ограды, продолжая говорить при этом, – где-то здесь... Ну, точно. Я хорошо помню.

– Это... дом твоих родителей? – догадалась Алька, семена следом.

– Нет, разумеется, – снова непонятный смешок, горький, исполненный сарказма, – это дом прежнего Магистра Надзора, Алайна. Его величество отрядил нам дом, в котором жил живой труп, увязший в магических потоках, которые сам же и создал.

– Я думала, что Магистр жил в резиденции Надзора, – пробормотала она, стараясь успеть за Мариусом. Шел тот довольно быстро.

– Он в резиденции работал и занимался магическими изысканиями. А время от времени удалялся к себе. Порталом, разумеется. И я бывал у него дома. Я ж был ему как сын...

И умолк. Потом резко остановился, Алька поняла, что добрались до калитки. Мариус ловко открыл замок, снова протянул ей руку.

– Идем, моя маленькая птичка. Прости, что не могу вернуть тебя в Роутон. Но, похоже, там теперь небезопасно. Мне еще сюда надо перетащить Марго, Робина, Эжени...

– Ты оставишь дом пустым? – прошептала Алька, и внутри все снова сжалось. Отчего такое решение? Да что ж происходит-то?

– Лучше обветшалый дом, чем смерть тех, кого я считаю семьей.

Под подошвами тихо захрустел гравий, Алька шла вслед за Мариусом прямо к парадному. Она еще раз окинула дом взглядом. Дом как дом, ничего особенного. Попыталась прислушаться к своим ощущениям – тоже ничего. Ни дурного предчувствия, ни страха. Ни-че-го.

– Мы все здесь вымоем, – сказала она, – Мариус, теперь ты магистр. Ничего странного в том, что тебе отдали этот дом.

– Вы здесь ничего мыть не будете, – буркнул он, – мыть будут нанятые работницы. И стирать тоже. Ты – моя невеста, и можешь заниматься тем, что будет тебе приятно. Ты говорила, что любила рисовать – рисуй. Хочешь вышивать – вышивай. Твоя забота – чтобы я хоть чему-то радовался, приходя вечером со службы. А самое главное – ты должна мне верить.

Они поднялись по ступеням, Мариус потянул на себя бронзовую дверную ручку. Петли скрипнули, и двери легко открылись. В лицо дохнуло затхлым, застоявшимся воздухом. Но внутри не было темно, сквозь окна в холл лился блеклый зимний свет. Алька обратила внимание, что пол был выстлан старыми дубовыми досками. И лестница, ведущая наверх, была сделана из старого крепкого дуба.

– Идем, – твердо сказал Мариус, – посмотрим на новые владения. Хотя как по мне, так лучше бы жить где-нибудь в другом месте.

Альке показалось, что он немного смягчился, и все же спросила:

– Мариус... что тебя так разозлило на том совете?

Он помолчал. Из холла потянул ее направо, повел по коридору. Дом не успел отсыреть, при прежнем магистре здесь хорошо топили, и оттого прекрасные деревянные панели пребывали в великолепном состоянии.

– У меня есть для тебя две новости, – наконец нехотя сказал Мариус, – и обе плохие. Какую желаешь услышать первой?

Пока Алька раздумывала, какую гадость ей хочется услышать больше, они дошли до кухни и комнат прислуги. Кухня оказалась просторной и удобной. Посреди помещения возвы-

шалась большая печь, на стене, на крючьях, были развешаны огромные, начищенные до блеска сковородки. С деревянных полок выглядывали круглые бока кастрюль.

– А что важно для нас? – наконец решилась Алька.

И тут, на пороге кухни, она поняла, что попала в очень крепкие объятия Мариуса Эльдора. Он прижал ее к себе спиной, уткнулся носом в макушку, глубоко вдохнул.

– Для нас... Все важно, птичка. Король запретил нам жениться ближайшие два месяца.

Алька чувствовала сквозь шубку, как Мариус мягко гладит ее по животу.

– Молчишь? – тихо спросил он, – обиделась на меня? Если ты только скажешь, то я окончательно разругаюсь с нашим монархом, но на тебе женюсь завтра же.

Она закрыла глаза, откинулась спиной назад, позволяя Мариусу себя придерживать почти на весу. Так вот отчего он был не в себе! Не знал, как завести речь о том, что придется отложить свадьбу... Алька едва не рассмеялась. Как жаль, что рядом не было матушки, которая бы сразу объяснила, что порой мужчины себя ведут хуже, чем дети.

– Это такая мелочь, – прошептала она, прижимаясь всем телом к Мариусу, – два месяца... Такая ерунда.

– Я о тебе беспокоюсь, – в его голосе скользнули растерянные нотки, – Алайна...

– Но я с тобой не потому, что мечтаю стать женой магистра. Я сама так захотела.

– Видишь ли, маленькая... Эрифрейское общество не поймет. И не оценит, если молодая незамужняя девушка будет жить в одном доме с неженатым мужчиной.

– Но я ведь жила в Роутоне.

– На роли служанки, милая.

– Ну так... здесь можно ведь так же? И ты не обязан отчитываться.

Он развернул ее к себе лицом так быстро, что Алька ойкнула. Уперлась локтями ему в грудь, быстро сообразила, что проще сдвинуть с места скалу.

– Нет, здесь так нельзя, – он пристально рассматривал ее, взгляд гулял по лицу. От глаз – к губам. Обратно. – мне проще стать твоим опекуном. Возможно, так будет правильно.

Алька не выдержала и прыснула от смеха. Мариус? Опекун? Почему-то всегда она в качестве опекуна представляла себе убеленного сединами дедушку, но никак не мужчину, едва ли перешагнувшего тридцатилетний рубеж.

И не успела даже отвернуться, когда он быстро наклонился вперед и впился в ее губы поцелуем. Отнюдь не нежным. Очень даже напористым, почти агрессивным. Подчиняющим. Алька зарылась пальцами в густые волосы Мариуса, повисла на нем – потому что ноги не держали. И мельком подумала, что ей нравится... Да, нравится, вот так подчиняться ему. Нравится чувствовать себя слабой. Нравится позволять проделывать с собой все это.

Он целовал ее долго, стряхнул с плеч шубку, сильные руки гуляли по спине, по шее, опускаясь ниже, выписывая огненный узор страсти. И Алька поняла, что ей всего этого мало. Она запустила руки под расстегнутый сюртук, царапнула по приятно-твердой груди сквозь рубашку, а затем, понимая, что они уже на этом не остановятся, просто дернула воротник в разные стороны. Пуговицы посыпались на пол, звонко, подпрыгивая, и наконец она ощутила под пальцами горячую гладкую кожу. Провела по бугристому шраму, что наискосок. Тот самый, который не раз уже покрыла поцелуями. Откинулась назад, когда Мариус прикусил кожу на шее. И всего этого все равно казалось мало. Она не понимала, почему именно этот человек имел такую власть и над ее мыслями, и над телом.

– Мариус... – выдохнула прерывисто, – пожалуйста...

И все равно, не смогла сказать это вслух – возьми меня. Прямо здесь. Сию минуту.

Но он понял. Оторвался от нее, с присвистом втянул воздух, а потом молча подхватил на руки и широким шагом двинулся куда-то вперед, а потом вбок, толкнул дверь. Алька встревоженно завертела головой. Светлая комната. Платяной шкаф, резной весь. Трюмо на гнутых

ножках, большое овальное зеркало. И кровать, застеленная светло-серым шерстяным покрывалом.

– Для гостей, – хрипло пояснил Мариус, – тут чисто, не беспокойся.

Еще через мгновение Алька попросту утонула в перине. Она вскрикнула, когда Мариус решительным движением задрал ей юбку, а потом сама раздвинула ноги. Ей хотелось быть ближе к нему, ближе, чем это даже возможно. Он дернул шнуровку на лифе платья, на миг холодный воздух пощекотал обнаженную кожу – и прохлада тут же сменилась огненными касаниями.

Алька застонала, обнимая его ногами. А Мариус все целовал ее – в губы, в шею. Прихватывая зубами грудь, до сладкой боли, до невыносимо приятных спазмов, рождающихся где-то внутри, вместе с каждым его движением. Она кричала и царапала ему плечи. И все мысли – плохие, хорошие – все куда-то делось. Даже говорить не осталось сил.

Мариус молча обнял ее и снова прижал к себе. Несколько минут прошли в безмолвии, а потом он вдруг сказал:

– Плохой из меня опекун, птичка. А ты так и не узнала вторую неприятную новость.

– Ну, первая оказалась не такой уж и страшной, – говорить не получалось. Только мурлыкать, как довольная нагулявшаяся кошка.

– Вторая хуже, – горячий шепот обжег ухо, – на границе, там, где пролежала Пелена, убиты люди. Фаэр утверждает, что его убили те, кто из-за Пелены.

Алька сжалась в комок, мгновенно вываливаясь из сонного блаженства. Нет-нет, это невозможно. Сантор не стал бы. Или стал? Она ведь совсем не знала того, кто был ее отцом.

– Прости, я тебя опечалил, – продолжил Мариус, – но уж что есть. Поэтому я собираюсь всех перевезти в Эрифрею, тут будет спокойнее.

– Я не верю Фаэру, – прошептала Алька, – не верю. Он... отвратительный какой-то, скользкий тип. Не знаю, почему мне так кажется.

– Понимаю. – Он мягко гладил ее по голове, потом ласкающие движения перебрались на шею, – но люди убиты. Кем убиты, мне тоже не совсем ясно. Однако, король наш Фаэру доверяет...

И задумался о чем-то.

– Мне очень хочется проведать Авельрона, – попросила Алька, – ты ведь... ничего плохого с ним не сделаешь?

– Конечно, нет. Зачем мне это, – ответил Мариус.

– Тогда... Когда его можно увидеть?

– Завтра, милая. Ты его завтра увидишь...

Внезапно Мариус умолк. А еще через мгновение с его руки сорвалась рыжая лохматая молния, ударила в зеркало.

Звон бьющегося стекла. Осколки высыпались из рамы. Алька даже испугаться не успела, лишь обернулась и недоумевающе посмотрела на Мариуса. Тот был бледен как простыня, глаза – сумасшедшие.

– Что? Что, Мариус?

Он откинулся головой на покрывало и зажмурился. Облизнул губы.

– Знаешь... ничего. Показалось. Всего лишь показалось.

...Но, конечно же, Авельрона она так и не увидела. Ни на следующий день, ни через день. Заботы закрутили так, что не продохнуть. Тем же днем, после столь плодотворного осмотра особняка магистра, они отправились в Роутон. Мариус потащил ее порталом, чтоб время не тратить. Ему для портала теперь и артефакты были не нужны, он просто разрывал пространство, делал шаг в никуда, да еще и тянул за собой Альку. И сей же миг они вываливались уже на обратной стороне. Там, куда и предполагал попасть Мариус Эльдор. Алька не могла

не восхищаться тем, с какой легкостью магистр Надзора проделывает все эти манипуляции с магической энергией. У нее так не получалось, потому что, во-первых, никто и никогда не учил Алайну Ритц таким магическим штукам, а во-вторых, похоже, она и не чувствовала магическую энергию так, как Мариус. Все было по-иному, глубоко внутри, да и то – странное, непонятное. Эти мерцающие звездочки на бескрайнем черном бархате. И она так и не сказала Мариусу про ожившую бабочку, как-то подходящего момента не случилось. Но, как бы там ни было, Мариус притащил ее порталом обратно домой, туда, где под снегом тихо спали старые яблони, а особняк напоминал окаменевшего дракона, свернувшегося клубком. В лицо сразу дохнуло холодом, хлестнуло ледяным ветром, вышибая слезы. Все-таки Эрифрея куда южнее, зимы там мягкие.

– Надо сказать им, чтоб собирались, – Мариус быстро зашагал к дому, сунув руки в карманы. Прямой, плечи расправлены. И тот самый белый шрам, многоножка, спрятался под поднятым воротником сюртука.

Алька молча шла следом. Ей совершенно не хотелось уезжать. Не потому, что боялась жить в особняке бывшего Магистра, а потому, что привыкла к стеклянной тишине этого дома, и этого сада. Внезапно все здесь стало близким, родным, и, уезжая, все равно что кусочек от сердца отрывала.

Но она понимала, что Мариус прав. Если на границе погибли люди... А от Роутона до земель за Пеленой рукой подать... То лучше перебраться в столицу. Все равно ведь Мариус теперь будет работать там, в резиденции Надзора, и постоянно ходить во дворец на совещания. Ну и Тиба можно будет чаще навещать, что тоже хорошо.

Поэтому Алька тихо вздыхала и не противоречила. Единственное, о чем постоянно себе напоминала – не забыть ту самую вазочку, что по-прежнему стояла в ее комнате.

Они вошли в дом через черный ход. С кухни доносился звонкий голос Эжени, которому вторил дребезжащий, надтреснутый голос Робина. Пахло печеным мясом, и у Альки заурчало в животе – как-то так получилось, что кроме утренней чашки кофе с бутербродом она сегодня ничего и не съела. Мариус покосился на нее, покачал головой и решительно потащил за руку в кухню.

Там, оказывается, собрались все: старики, Эжени, Эндрю.

Марго и Робин сидели за столом, где на блюде возвышалась пирамида из румяных плюшек. Марго вязала, спицы так и мелькали. Робин попивал чай. Эндрю сидел на подоконнике и с выражением полного умиротворения на широком лице наблюдал за тем, как Эжени ловко рубит зелень.

– Вечер добрый, – сказал Мариус, – сидите, сидите. Не нужно подсказывать. Эжени, накорми мою невесту. Да и я не прочь перекусить.

Он подвел Альку к столу, помог подвинуть стул, а сам уселся напротив, рядом с Робиним.

– Ах, ниат Эльдор, – Эжени уже ставила тарелки, – вы заморите голодом нашу Алечку. Посмотрите на нее, она и так прозрачная. Ей же теперь летать не нужно... А так-то ветром сдует, и ищи-свищи...

– Не нужно, да, – согласился Мариус, пожирая Альку совершенно голодным взглядом.

И она понимала, что этот голод не имеет никакого отношения к еде.

И еще подумала о том, что так у них может скоро и ребеночек родиться.

Эжени разлила по тарелкам суп, на прозрачном бульоне, где плавали желтые жиринки.

– Кушай, деточка, кушай, – поддакнула Марго, – а то и вправду ветром сдует. Как вспомню, какая ты была, когда сюда попала...

И вздохнула.

Алька опустила голову, потому что покраснела. Попала она сюда... Не при самых благоприятных обстоятельствах. О том, что было бы, не прочитай Мариус ее дело, она вообще старалась не думать, никогда больше. Но все получилось именно так, как получилось, и Алька

понимала, что тогда, давно, она была для Мариуса лишь двуликой тварью. Одной из тех, что убили его семью, и кого сам он тоже привык только убивать.

– Я вот что хочу сказать, – Мариус бодро стучал ложкой, – мы переезжаем в Эрифрею. Здесь, возможно, станет опасно, и я не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал.

Воцарилось молчание. Даже Эндрю привстал с подоконника, его взгляд растерянно перебегал с Мариуса на Альку и обратно.

– Что, крагхи? – первой опомнилась Эжени.

– Не знаю, – угрюмо ответил Мариус, – говорят, что крагхи. А что на самом деле – неясно. Мне это самому не слишком-то нравится, король Сантор выглядел как человек, с которым можно иметь дело...

– Это не он, – пискнула Алька, – он не стал бы...

– Это мог быть и не он. Это могли быть его подданные, – осторожно поправил Мариус, – вспомни, он ведь и всезнающим не был.

Она опустила плечи. Ох, как же не хотелось, чтобы то, о чем говорили, оказалось правдой.

– И то ж вы, ниат, дом забросите? Столько добра. Все разворуют.

– Да Пастырь с ним, с добром. Возьмем самое ценное. А мебель... Ну и пусть остается. Снова молчание.

Алька поймала тревожный взгляд Эжени и через силу улыбнулась.

– Очень вкусный суп, – похвалила тихо. Исключительно, чтоб разбить эту тягостную тишину.

– Мы с Марго никуда не поедem, – вдруг заявил Робин, – мы уже такие старые, что если помрем, так лучше в родных стенах.

Мариус отложил ложку.

– Марго?

– Да, ниат, – старушка улыбнулась мягко, как мать может улыбаться своему ребенку, – нам не нужно никуда ехать. Будем спокойно доживать. Да и кому мы нужны, ниат? Кому интересны старики?

– Я тоже останусь, – вдруг решительно сказала Эжени, – я не боюсь, ниат Эльдор. Да и вся родня у меня здесь.

Мариус пожал плечами.

– Ну, а ты, Эндрю?

Конюх смутился. Когда смущался, всегда начинал немного заикаться.

– Так эт-то... н-ниат... я тоже.

И махнул рукой.

– Ясно, – сказал Мариус, – силой я вас не потащу. Хотите, оставайтесь, следите за домом. Жалованье по-прежнему буду выплачивать. А ты, Эжени, еще и вот за ними будешь присматривать, – кивнул на Марго, – правда, мне теперь забота, новую прислугу нанимать. Боюсь, не слишком много желающих будет идти работать в тот дом, где мы будем жить.

...На том и порешили. Алька собрала чемодан, куда сложила имеющуюся одежду и любимую фарфоровую вазочку с синими цветами на боках, Эжени помогла собрать вещи Мариуса и кое-что из белья. Потом они попрощались, очень быстро и буднично, как будто уезжали совсем ненадолго, и Алька подумала, что в самом деле ничего страшного в том, что она немного поживет в Эрифрее. В конце концов, можно просить Мариуса и проведывать роутонское поместье сколько душе угодно. Марго, целуя Альку, тихонько прошептала – береги себя, деточка. Эжени порывисто обняла, расцеловала в обе щеки.

– Не смей расстраиваться, – сказала тихо, – в столицу едешь, это ведь здорово. И все-таки не забудь на свадьбу пригласить. Буду ждать открытку.

Алька закивала торопливо, потому что глаза начало печь, и она в самом деле боялась разреветься. Мариус закончил давать указания Эндрю, обернулся, смерил ее долгим взглядом.

– Ну что, птичка, отправляемся?

И легко поднял оба чемодана, свой и Алькин. По этой же причине, чтобы вместе шагнуть в портал, ей пришлось крепко обхватить Мариуса за пояс, она прижалась к нему всем телом и, не удержавшись, положила голову на плечо.

– Да хранит вас Пастырь, – пробормотала Марго, и это было последним, что услышала Алька.

Пространство разверзлось, расползлось безобразной дырой с сияющими краями, и они с Мариусом просто рухнули в бездну – чтобы через мгновение подошвы стукнулись о деревянный пол. Теперь они были на месте, в доме Магистра Надзора.

– Ну, вот и прибыли, – мрачно сказал Мариус.

Алька огляделась. Положа руку на сердце, при свете дня дом ей понравился куда больше, чем сейчас. Теперь же в холле было темно, и в окна заглядывала ночь. Она услышала, как Мариус пощелкал пальцами, тут же под потолком расцвели три мохнатых огонька. Алька снова прижалась к Мариусу, прячась от глупых страхов у него на груди.

– Ну что ты, маленькая, – в его голосе сквозила усталость, – не бойся. Обычный дом. Никакой магии. Теперь, выходит, наш с тобой дом. Завтра же надо идти в агентство, нанимать людей. А сегодня здесь переночуем, только вот... не хочу спать в кровати, там, где этот... спал.

Алька кивнула. Ей тоже совершенно не хотелось даже ложиться в постель, представляя себе, что там до нее лежал не-человек, который законсервировал себя в магических потоках. Мариус мягко гладил ее по спине, как будто о чем-то размышляя, а потом предложил:

– Пойдем в гостевую комнату, Алайна. Тем более, что мы уже выяснили, что той кровати нам вполне достаточно.

Он мягко отстранил ее, поднял чемоданы и пошел вперед. Алька мелкими шажками семенила следом, оглядываясь по сторонам. Да, днем здесь было куда приятнее. А сейчас... Так и мерещилось, что густые тени по углам шевелятся, что клочья непроглядного мрака сворачиваются, словно щупальца, тянутся следом... Ощущение, будто что-то липкое хватает за щиколотки, было таким живым, что Алька пискнула и догнала Мариуса. Но ведь... это кажется? Такого ведь не бывает? А сам Магистр... мертв, рассыпался прахом?!!

Между тем огоньки весело летели впереди, вырывая из мрака желтоватое пятно света. Потом Мариус решительно толкнул дверь гостевой спальни, внес чемоданы. Там все было по-прежнему: смятая постель, разбитое зеркало. Было прохладно, но не холодно. Дом еще не успел промерзнуть.

Мариус как будто слышал ее мысли.

– Не мешало бы затопить, да? Ну, ничего. Сегодня уж не замерзнем, а завтра будем обустриваться.

Он обошел комнату по кругу, и Алька не видела, но чувствовала, что магистр Эльдор сейчас строит очередной магический конструкт, как он их называл. Но молчит, ничего не объясняет.

Алька села на краешек кровати, размышляя, раздеваться ли, или спать одетой. Мариус тем временем подвинул себе стул, стянул сюртук и повесил его на спинку. Потом посмотрел задумчиво на Альку.

– Раздевайся. Сейчас здесь будет тепло, я немного подогрею комнату.

И принялся преспокойно расстегивать рубашку. Алька вздохнула, быстро скинула шубку, и тоже взялась за шнуровку на корсаже.

– Я все думаю о брате, – пробормотала она, – мне очень хочется его увидеть.

– Завтра, – беззаботно ответил Мариус, – все завтра, милая.

Вскоре и правда потеплело, настолько, что Алька разделась до нижней рубашки, забралась под одеяло и теперь лениво наблюдала за Мариусом. Оставшись в одних штанах, он все ходил и ходил по комнате, выглянул в окно, хотя было неясно, что там такого, кроме темноты,

можно увидеть. А вот телом самого Мариуса Алька просто любовалась. Наверное, с такого можно было бы ваять какое-нибудь древнее божество. Сухощавый, подтянутый, при каждом движении видно, как под кожей перекачиваются тугие валики мышц.

– Мариус, – прошептала она, – хватит уже. Иди сюда.

И отогнула угол покрывала.

В эту ночь они просто спали, прижавшись друг к другу, словно потерявшиеся дети. А на утро, с первыми лучами солнца, Мариус подскочил и принялся одеваться. Пока Алька сонно моргала, перед ней снова стоял Магистр во всем облачении.

– Вставай, лежебока, – он легонько щелкнул ее по кончику носа, – у нас совсем мало времени, а успеть нужно многое. Только, давай сделаем так. Независимо от того, что сказал король, для всех прочих ты – моя жена. Договорились? Нет-нет, молчи. Эта твоя честность до добра не доведет. Для эрифрейского общества, ты пойми, куда лучше быть женой страшного магистра, чем любовницей.

«И правда», – согласилась Алька про себя.

И закрутилось.

Они посетили эрифрейское агентство по найму прислуги, одно, другое. Как и подозревал Мариус, эта самая прислуга вовсе не кидалась наниматься, лишь узнав, куда их нанимают. Видать, еще та была слава у прежнего владельца дома. Лишь к обеду им удалось нанять управляющего, которым оказался долговязый тощий детина, похожий почему-то на хорька и лицом и повадками, и кухарку, женщину в годах, которая за двойную плату согласилась еще и стирать и прибираться в комнатах. Не так хорошо, как это делали бы разные женщины, но хоть как-то.

Потом, едва перекусив в ресторане, Мариус потащил Альку в салон мебели, потому что ему хотелось выбросить или отдать кому-нибудь из бедных соседей то, чем пользовался прежний хозяин дома, и уже до вечера, до закрытия салона они бродили меж кроватей с балдахинами, комодов, шкафов и сервантов, так что ближе к финалу Альке уже было все равно, будет ли стол в кабинете Мариуса тиковый или ореховый.

До кровати все в той же гостевой комнате Алька добралась без задних ног, разделась и с наслаждением растянулась на мягкой перине. Наблюдая сквозь ресницы, как раздевается Мариус, Алька ловила себя на том, что хочет просто спать. А еще было что-то, что она забыла во всей этой круговерти, но она так и не вспомнила, что именно.

Следующим утром Мариус поднялся снова рано, облачился в свежую рубашку и объявил, что теперь ему нужно в Надзор, причем срочно, а она, Алька, остается за хозяйку. И убежал, нежно поцеловав в макушку на прощание.

Алька вздохнула и закуталась в покрывало. Ничего не поделаешь, Магистр – занятой человек. Впрочем, и ей нужно заняться домом. А потом все-таки вспомнила, что ее тревожило. Она так и не увидела Авельрона.

Глава 3. Переговоры

Сбежал. Он попросту сбежал от собственной невесты. Он понимал, что она снова вспомнит про Авельрона, и снова попросится его навестить. А он, магистр Святого Надзора, не уверен в том, что это будет безопасно, не уверен в том, что именно сейчас Авельрону можно видеть Алайну, потому что – Мариус не мог этого объяснить, но был готов биться об заклад – что-то было не так с этим мужчиной. Что именно, он и сам не понимал, совершенно. Авельрон выглядел и вел себя как самый обычный человек, получивший ранения. Предыдущий магистр ему попросту размолот спину в крошево из мяса и костей, и, если б не магия Мариуса, Авельрон больше не смог бы ходить, никогда. Да и сейчас он еще не поднимался с кровати, лежал перебинтованный на животе, и старательная сиделка, приведенная из лекарского корпуса, кормила его жиденьким супом через соломинку. А у Мариуса, когда находился рядом, душа была не на месте, а на висках проступал ледяной пот. Странное, иррациональное ощущение опасности, которой Авельрон просто лучился. А еще иллюзия чужого присутствия, и даже меж лопаток кожу покалывало так, словно кто-то нагло пялился в спину.

То же Мариус очень явно ощутил и тогда, в гостевой спальне. Это было глупо, вот так, предаваться любви в совершенно чужом доме. Надо было как-нибудь успокоить Алайну, но... он просто не мог устоять перед чарами своей птички. С самого начала не мог, как только смог ее поймать в охапку. До этого только смотрел издали, пытался поговорить. Удивлялся тому, как девушка старательно помогает по дому – без той ненависти, которую могла бы испытывать к жилищу хозяина, а скорее с жалостью, словно дом уже принадлежал ей, а она его забросила. Однажды он смотрел, как она забралась по выщербленной кладке на второй этаж и отряхивала паутину с окна. И именно тогда, кажется, Мариус Эльдор, яро ненавидящей всех двуликих, а заодно и крагхов с их роем, впервые – и совершенно искренне – восхитился этой девушкой. Она была выше его, выше ненависти, выше предрассудков. Не он поднял ее с колен, несчастную двуликую рабыню, а она снизошла к нему с небес, прекрасная синекрылая птица, и потянула за собой, к свету.

...Но в спальне определенно кто-то был. И Мариус отчетливо увидел, как в зеркале проплыл темный мужской силуэт. Но, поскольку в комнате было довольно светло – и только они с Алайной, Мариус ударил в зеркало.

Возможно, все это следовало списать на переутомление. Или на последствия ночных «бесед» с учителем, когда боль выгрызала внутренности, не давая ни малейшего шанса. И, будь Мариус Эльдор кем-нибудь другим, возможно, именно так и поступил бы: сослался на перенесенные мучения, на потрясение, и отпустил бы Авельрона. Но Мариус оставался собой. Отпустить Авельрона на свободу не следовало ровно до тех пор, пока ему, Мариусу, не перестанет мерещиться не-пойми-что. И здесь дело не в усталости и не в расшатанных нервах. Здесь было что-то другое, а что – непонятно. От этого «непонятно» в душе поднималась глухая, мутная злость, но Мариус уже привык с этим бороться. Не впервой. Бывало и хуже.

Этим утром солнечный свет щедро заливал кабинет Магистра, что в резиденции Надзора. И этим же утром Мариус Эльдор, по сути, в первый раз пришел туда, где сотни лет до него провел его предшественник. Он несколько мгновений помялся перед дверью, ловя себя на мысли, что думает о Магистре как о живом, но затем решительно сунул ключ в замочную скважину и повернул. Замок сработал бесшумно, и дверь подалась вперед, как будто кто-то мягко потянул ее с той стороны. Мариус потер переносицу, отбрасывая наваждение, толкнул дверь ладонью и, не давая себе ни малейшего шанса на побег, шагнул через порог.

Ничего не изменилось в кабинете Магистра. Разве что тяжелые шторы были раздвинуты, и ясное утреннее солнце заливало комнату тысячами розоватых пятнышек, играя на коврах, на сотнях разноцветных колб, на раззолоченных буквах, что на старинных переплетах книг.

Мариус огляделся, прошел вглубь кабинета и плотно прикрыл дверь.

Все эти ковры в багровых тонах – выбросить. Пусть лучше голая каменная кладка, чем ощущение кровавых пятен по стенам. И шторы заменить. На зеленые.

Вздыхнув, он походя поворошил кипу свитков на столе, в воздух поднялось легкое облако пыли. Потом просто сгреб их в сторону, и внезапно обнаружил лежащую на столе тонкую книгу в переплете из коричневой кожи. Мариус открыл ее – на первой же странице старательно было выведено: «Я, Максимус, записываю происшедшее со мной». Тоска. Мариус закрыл книгу – листы по срезу были вымазаны давно засохшей кровью. И он вспомнил Фредерика, веселого парня, который погиб оттого, что нашел этот дневник. Мариус был глубоко признателен Фредерику за эту жертву: именно она заставила приора Надзора впервые задуматься. Да и вообще, начать немного думать...

Мариус вздохнул. Воспоминания роились, заставляя сердце сбиваться с привычного ритма. В этом же кабинете он впервые встретил Авельрона, жалкого раба в ошейнике и на цепи. И тогда же Авельрон сознательно соврал хозяину, «не признав» в Мариусе одного из тех еретиков, что посягнули на Око Порядка.

... А еще раньше Мариус был совершенно уверен в том, что его учитель, Магистр, абсолютно непогрешим.

Из воспоминаний его вырвал осторожный стук в дверь. Мариус положил обратно злополучный дневник, про себя еще раз отметил, что было бы недурственно здесь прибраться и все же заменить шторы и ковры.

– Входите.

Голос прозвучал очень уверенно – так, как и должен звучать голос Магистра.

В дверь просунул голову совсем еще молоденький страж, остроносый, черноглазый, чем-то похожий на бойкую сороку.

– Магистр Эльдор... Прошу прощения, но мы все еще ждем дальнейших распоряжений, что делать с крагхами.

– Крагхов больше нет, ты хоть одного видел? – напомнил Мариус, глядя исподлобья.

Он очень хорошо понимал сомнения стражей Надзора, ведь речь сейчас шла о том жалком десятке крагхов, которых Магистр держал в подземельях и использовал в качестве учебного материала для своих. И вот этих было отпускать не менее страшно, чем Авельрона. Они сидели в подземельях, голодные, больные. Они видели, как их товарищей вскрывали заживо. Они знали, что то же ждет и их. А потом внезапно все они лишились крыльев и стали просто людьми. Но это вовсе не значило, что они перестали ненавидеть палачей.

«Оставить их здесь, чтоб изучать магический потенциал крагхов? – мысли закрутились в привычном темпе, – предложить вступить в Надзор? Ха, Мариус, более бредовой идеи у тебя давненько не возникало. Разве что когда собрался жениться на двуликой...»

– Идем, я хочу с ними поговорить, – сказал он вслух, – надеюсь, им не было причинено вреда?

– Да как же, Магистр, – паренек удивленно заморгал, – они ж... люди теперь?

– Все верно, – кивнул, – идем. Они по-прежнему в подземельях?

– Разумеется, Магистр, – бойко, по-военному отчеканил страж, – по-прежнему в клетках. Мы не стали их отпускать без вашего на то приказа.

Позже они молча шли сперва по коридорам Надзора, где было весьма несложно заблудиться. Мариус, правда, бывал во дворце крагхов, и после тех лабиринтов эти казались очень правильными и совершенно незатейливыми. Время от времени им навстречу попадались стражи, совсем юные и не очень, а некоторые и постарше самого Мариуса, и все они низко и молча кланялись, а у Мариуса в груди все переворачивалось, как будто воспротивившись тому, что его сделали магистром. Снова против воли. Как и тогда, когда был мальчиком – распорол

трахею, сделали надрез под ребрами, сунули в разрезы трубки, полные мерцающей зеленоватой жидкости... Он скрипнул зубами. Будь ты проклят. Мучиться тебе вечно в потоках магии...

Когда начали спускаться по лестнице, Мариса чуть отпустило, он даже вздохнул свободнее. Воздух здесь был холодный и влажный, тишина почти ощутимо давила на уши. Мариус быстро шел вперед, оставив мальчику за спиной. О, он ведь очень хорошо знал дорогу в подземелья! Сам ведь проводил там часы, в то время как воображение рисовало сладостные картины убийств тех двуликих, что лишили семьи. А выходит, магистр лишил.

«А она вытащила меня из этой мерзости», – подумал Мариус с благодарностью.

И на этом страж услужливо отворил перед ним тяжелую ржавую дверь.

В лицо дохнуло зловонием. Кровь, внутренности, испражнения... Все вместе.

По стенам были развешаны большие кованые корзины с лайтерами – так, чтоб adeпты видели получше все, что происходит в учебных помещениях Надзора. А на Мариуса сквозь ржавые прутья смотрели десять пар глаз. Десять больных, избитых, израненных людей. И взгляд против воли зацепился за девочку лет шести, совершенно голую, как и ее мать, которая судорожно прижимала ее к себе. Мариус ощутил, как к горлу резко подкатила тошнота – не от смрада, нет. От самого себя, от того, что сам занимался всем этим, и истово веровал в правильность происходящего.

Он торопливо отвел глаза от женщины, скорчившейся над ребенком, чтобы встретиться с другими взглядами, теперь уже исполненными ненависти.

«Отпустишь таких, – уныло подумал он, – и они пойдут резать людей, как свиней. И их вполне можно понять».

Он не мог допустить, да и не хотел, чтоб случилась бойня.

И точно так же понимал, что уже никогда не сможет исправить поломанные жизни этих несчастных. Не сможет, да. Но что-то сделать нужно.

«Магистр на моем бы месте попросту их всех убил, – тоскливо думал Мариус, – и был бы прав. С такими уже ничего не сделаешь, им одна дорога».

Магистр обладал талантом сделать сложное простым.

У Мариуса такого таланта не было.

Поэтому он подошел ближе к решеткам, еще раз огляделся. Сознание помимо воли подмечало мелочи, от которых кого послабее уже бы стошнило: гниющая заживо плоть, выбитый глаз, перебитые и криво сросшиеся руки... И эти люди смотрели на него молча, с ужасом и ненавистью. Да что он сможет дать им теперь? Ничего, увы.

Он откашлялся.

– Так, – голос, вопреки сомнениям, звучал уверенно, – все поняли, что произошло?

Кто-то всхлипнул, и Мариус готов был поклясться, что это именно та девочка.

– Я не слышу, – резко сказал он.

– Мы... без крыльев теперь, – ответил кто-то.

– Крагхов больше нет, двуликости нет, Пелены нет, – тяжело роняя слова, пояснил Мариус, – предвосхищая вопросы, сразу скажу: сейчас вас выведут отсюда, затем вы попадете в руки нашим лекарям, которые поправят то, что еще можно поправить. После чего вас проведут до той границы, где раньше пролежала Пелена, и вы вольны идти к своим.

Повисла тишина. Вязкая, горькая. И в этой тишине кто-то заплакал, хрипло, навзрыд.

– Разумеется, все это произойдет только в том случае, если вы будете вести себя разумно, – добавил Мариус. По позвоночнику катились капли холодного пота. Говорить... было невыносимо тяжело, как будто каждым словом его вынуждали сворачивать столетнее дерево.

– Итак... я должен получить от вас обещание, вести себя разумно, – повторил он, – я не буду требовать клятв, ибо они пусты. Но если вы пообещаете...

Они молчали и просто смотрели на него.

Не верили.

Мариус кивнул стражу.

– Приведи еще стражей. Пусть их... отведут помыться. Пусть из города цирюльника доставят. Одежду им выдайте. А потом – к лекарям, в лекарский корпус...

И, повернувшись, пошел прочь. Пожалуй, здесь он сделал все, что ему было по силам. Уже в дверях обернулся – девочка без улыбки смотрела ему вслед. Женщина все так же прикрывала ее тщедушное тельце руками. Мариус покачал головой. Похоже, денек предстоял интересный.

Через два часа, вдоволь надышавшись пылью в кабинете, переверсив и пересмотрев те свитки, которыми был завален стол магистра, Мариус спустился в лекарский корпус. Может, это и не нужно было, но почему-то он все равно хотел поговорить с каждым из них. Спросить, чего они хотят теперь. Возможно, как-то еще помочь. От мысли о том, что внизу держали ребенка, становилось не по себе. Сам Мариус об этом даже не знал, видать, ту женщину с девочкой поймали и притащили аккурат в те дни, когда сам Мариус уже был занят Алайной, крагхами и Пеленой. Что теперь будет с этой девочкой? Сможет ли опомниться после всего, что видела? А ее мать? После всего, что было?

Всего лишь на минутку он позволил себе закрыть глаза и немного помечтать о том, как придет домой – да, в тот чужой дом – как обнимет свою птичку, как будет вдыхать аромат ее тела. Скорее бы вечер наступил, скорее бы все здесь закончилось... Но Мариус знал, что до обеда еще далеко, и что, возможно, после обеда ему придется повидать его величество, и Фаэра, наконец.

Лекарский корпус находился в самом дальнем углу двора резиденции, низкое, крепкое одноэтажное здание с маленькими окнами. Перед входом дежурило два стража, они не преминули низко поклониться магистру. Мариус шагнул через порог – в нос шибануло спиртными парами, запахами травяных настоев. Он почувствовал слабые отголоски целительской магии.

Пройдя по широкому коридору на звуки голосов, Мариус заглянул в ближайшую палату, удовлетворенно хмыкнул. Вроде бы, все шло гладко и без осложнений: мужчины, уже вымытые, бритые, в чистых холстяных рубашках, сидели в ряд на длинной скамье. Одним в данный момент занимался лекарь, заставляя сгибать и разгибать пальцы, которые, скорее всего до этого момента были перебиты. Когда Мариус вошел, головы повернулись в его сторону – а ему сделалось не по себе от совершенно пустых, потухших взглядов. Даже передернуло. И хорошо бы сбежать, но Мариус не позволил себе такой роскоши. Ишь ты, тяжело на них смотреть. А ведь смотрел, когда они были крагхами? И сам головы рубил, чего уж там. Не получилось быть беленьким и чистеньким, так что терпи теперь, и сделай все, что в твоих силах.

– Как они? – спросил он у ближайшего лекаря.

Он хорошо знал этого тщедушного мужчину, поскольку сам неоднократно бывал в лекарском корпусе. Кажется, именно этот тогда накладывал ему швы на шее, отчего получится знатный шрам.

Лекарь пожал плечами.

– Неплохо, магистр Эльдор. Поначалу, конечно, состояние было отвратительным. Но мы работаем, все будет хорошо.

Мариус снова посмотрел на тех, кто раньше был крагхами. Все они молча смотрели на него, а в глазах была жуткая пустота, что затягивала в воронку сумасшествия.

– Как вы себя чувствуете, – выдавил он из себя.

Надо же было хоть что-то сказать.

Ему никто не ответил, и в который раз Мариус подумал, что бывший магистр их всех убил бы – и не было бы никаких проблем. А он, Мариус Эльдор, похоже, делает сейчас большую

ошибку, отпуская на волю озлобленных и, возможно, даже утративших рассудок людей. Стало совсем паршиво. Он обернулся к лекарю.

– А где женщина с девочкой?

– Дверь напротив. Ну, вы ж понимаете, мы не можем осматривать их всех вместе.

...Туда Мариус даже постучался, и только затем вошел. Комнатка была маленькой, женщина с девочкой сидели на койке. Помытые, одетые в те же длинные рубахи. Мариус отметил про себя, что женщине остригли волосы, очень коротко. Девочка тоже лишилась своей шевелюры. Едва завидев Мариуса, они прижались друг к другу, девочка спрятала лицо в подол материнской рубахи. А Мариус отметил, что босая ступня и щиколотка женщины покрыты сетью свежих шрамов.

– Магистр, – лекарь чуть заметно поклонился, – что прикажете?

Мариус пожал плечами. Он не знал, что делать и что говорить, потому что здесь любые слова были лишними.

– Что с ними? – все же спросил тихо, кивнув в сторону бывших крагхов.

Лекарь дернул щекой.

– Что с ними? Крайнее истощение, побои, у женщины нога была размоложена, я поправил. Даже хромать не будет. Девочка... лучше. Просто истощение, грудная лихорадка. Тоже убрал. В смысле, лихорадку. Жить будет.

Пока говорили, Мариус рассматривал двух несчастных. Коротко и неровно остриженные волосы оказались дивного медного цвета. Обе – и мать, и дочь – были черноглазыми.

– Выйди, я хочу с ними поговорить, – приказал Мариус.

И в самом деле хотел, сам до конца не понимая, зачем. Они взирали на него со страхом, но хотя бы взгляд был живым, особенно у ребенка.

Дождавшись, когда дверь хлопнет за лекарем, Мариус порылся в кармане, добыл оттуда маленький леденец и шагнул к замершим матери и дочери. Те вздрогнули и окончательно прилипли друг другу, почти сливаясь в один трясущийся ком. Девочка снова прятала лицо на груди у матери, а та еще вжала ее в себя, словно пытаясь закрыть худенькое тельце ладонями.

– Так. – Он остановился в шаге от них, – я ничего вам плохого не сделаю. Думаю, никто больше ничего плохого не сделает. Посмотри на меня, ну?

Это он обращался к женщине.

Она, вжимая голову в плечи, подняла глаза, полные животного ужаса. Тощая, щеки запали, на скулах кожа натянулась, обтягивая кости черепа. Под глазами были черные круги – от недосыпа, от голода, от пережитого. И губы синевой отливают.

– Уже хорошо. Как тебя зовут?

Она долго не могла ответить. Открывала и закрывала рот, давилась воздухом, словно что-то сдавливало ей горло. Потом кое-как выдавила:

– Телора.

«Говори. Говори, не останавливайся».

– А дочку как зовут? Как тебя зовут, малышка?

Он всего лишь протянул руку, хотел тронуть девчущку за плечо, погладить по голове – но мать и дочь дернулись в едином порыве и снова приобрели вид трясущегося кома.

– Все, все! – он демонстративно поднял руки ладонями вверх, – никого не трогаю. Только разговариваем. Маленькая, как тебя зовут?

Выразительный взгляд угольно-черных глаз.

А потом мать просипела:

– Она... не говорит.

– Почему?

– Не говорит... с тех пор, как...

И умолкла, уронив голову на грудь. На белом лбу просвечивала жалкая синяя жилка.

– Ну, ладно, не говорит, так не говорит, я не буду настаивать, – пробормотал он, беспомощно сжимая пальцами конфету, – тогда ты мне скажи, раз говоришь, как ее зовут.

– Зачем вам это? – просипела женщина, – вы же... один из них.

– Более того, я тот – кто над ними, – Мариус усмехнулся, – и ты не первая, кто задает мне этот вопрос.

Первой была Алайна, его любимая девочка. Зачем вам это, ниат Эльдор? Зачем мы вам?

Затем, что не успел, видимо, стать полной скотиной. Затем, видимо, что совесть смог сохранить, и находил в себе силы не прятать голову в песок, встречая последствия своих – или прежнего магистра – деяний.

– Лива, – прошептала женщина, – ее зовут Лива.

– Хорошо.

Он протянул ей конфету.

– Возьми и дай ребенку.

– Нам не нужно... – черные глазищи полыхнули гневом.

Понятное дело, конфета – слишком жалкая компенсация за все причиненное зло.

– Возьми и отдай ребенку, – повторил Мариус, – будет лучше, если послушаешься.

И, когда тощие пальцы сгребли с ладони леденец в хрустящей обертке, отвернулся к окну. У него пока не случилось собственных детей, но точно знал – сладость за щекой возвращает мелких к жизни лучше, чем все эти разговоры.

Когда снова обернулся, встретил изумленный взгляд девчушки. Щека у нее смешно оттопырилась, значит, леденец уже был на месте. Лицо Телоры разгладилось, она недоверчиво рассматривала Мариуса, все еще ладонями закрывая ребенка. А потом тихо спросила:

– Чего вы хотите от нас?

– Мне от вас ничего не нужно, – он пожал плечами, – но интересно, как ты попала туда... в подвал... с ребенком. Насколько мне известно, ваших никогда не ловили за Пеленой. Только тех, кто забредал в земли Порядка. Что вам здесь было нужно, Телора? Зачем потащила дочку с собой?

Женщина опустила взгляд, снова вжала голову в плечи, как будто постоянно боялась, что ее будут бить.

– Вы же... знаете, откуда у крагхов берутся дети, – хрипло прошелестела она, – ну и вот. У меня был... мужчина, отец Ливы. Я... у нас все было хорошо, но он тосковал по родине. И я его отпустила. А потом, когда Лива выросла, то просила меня хоть раз повидать отца, и мы...

– Сделали редкую глупость, – холодно заключил Мариус, – все ясно. Ты хотя бы знала, где искать отца дочери?

Лицо Телоры сморщилось, глаза моментально покраснели, налились слезами.

– Мы же... нашли его. Нашли! Только вот... ваши его убили. А нас схватили. И Лива... она просто не говорит с тех пор. Ваши убили Тарвея, убили на наших глазах...

Она изо всех сил сжимала губы, чтобы не разрыдаться, и Лива вдруг высвободила из материнской хватки тощие ручки, обхватила ладонями лицо женщины, принялась гладить ее по щекам, размазывая слезы. Мариусу хотелось бежать из этой комнаты, прочь, ничего не видеть и не слышать. Что-то грубое, страшное рвало в клочья сердце, гнуло к земле, стискивало горло... Он понял, что задыхается – от всей этой безысходности, от чужого детского горя.

«Ну, теперь ты еще поплачь за компанию», – цинично заметил он про себя.

Чтоб не видеть этих двоих, снова отвернулся к окну. Пусть разговаривают с его спиной, так будет легче всем.

– Ты хочешь вернуться в земли за Пеленой? – спросил он.

– Я не знаю. Там меня тоже никто не ждет.

– Что-нибудь умеешь делать?

Тихий всхлип. Не оборачивайся, Мариус, не оборачивайся. Не то тебя самого сейчас развезет, как чувствительную барышню.

– Я... так все умею.

– Если хочешь, я могу тебя взять прислугой, – тихо сказал он, – мы с женой недавно переехали в Эрифрею, дом большой и пустой.

По-прежнему не хотелось оборачиваться.

Но – заставил себя.

Телора взидала на него настороженно, но без ненависти. Заинтересовал, значит, предложением.

– Я бы... согласилась, – пробормотала она, – но, боюсь, ваша жена будет против Ливы. Хотя она тихая девочка, мешать точно не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.